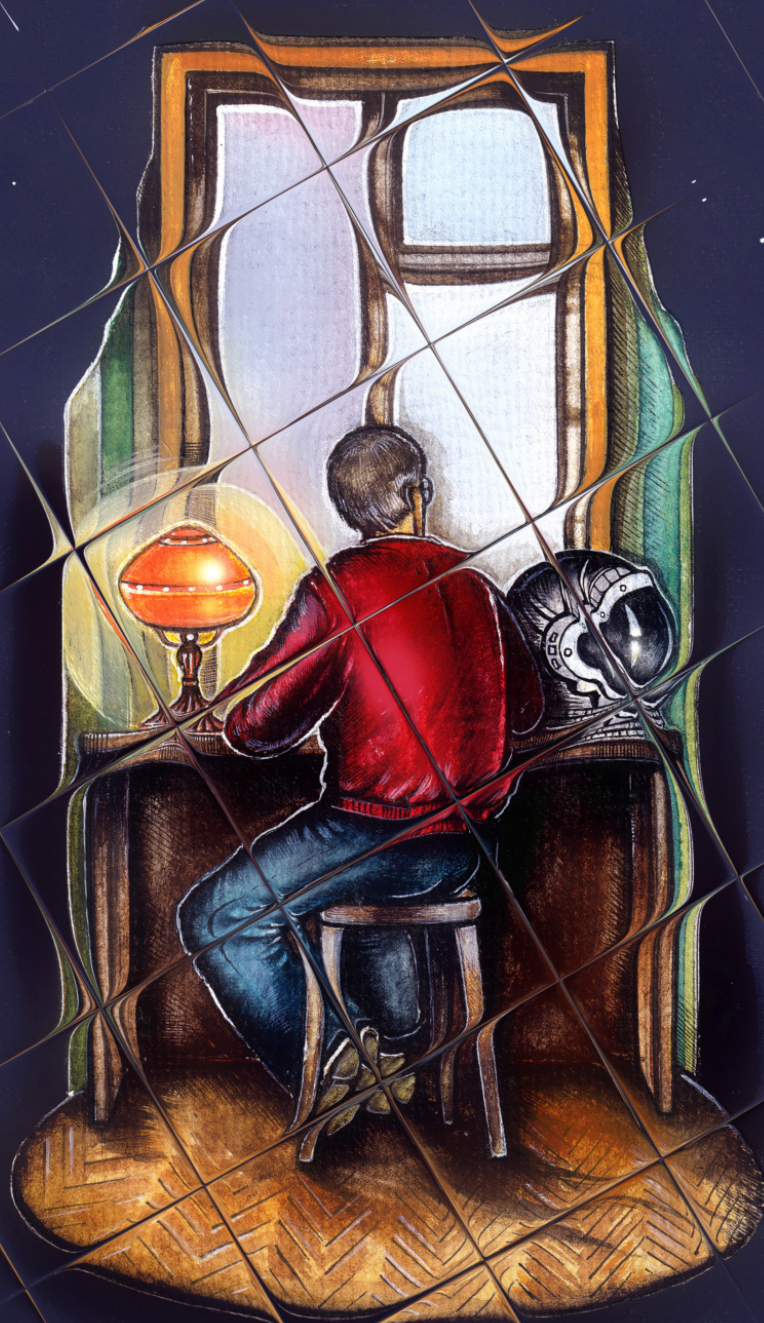

Константин Образцов

Сумерки Бога,
или Кухонные астронавты

Константин Образцов

**Сумерки Бога, или
Кухонные астронавты**

«Автор»

2022

Образцов К. А.

Сумерки Бога, или Кухонные астронавты / К. А. Образцов —
«Автор», 2022

Философская фантастика, сочетающая классический сюжет с художественным осмыслением глобальных общественных потрясений последних двух лет. Захватывающий литературный микс из космических приключений в стилистике ретрофутуризма, реалистической прозы и пугающе притягательной антиутопии.

© Образцов К. А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

1.	6
2.	9
3.	16
4.	29
5.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Константин Образцов
Сумерки Бога, или Кухонные астронавты

12 октября 2021 года

Куда: 2100, Зугдиди, Грузия

Кому: Козуа Нине Георгиевне

1.

Здравствуй, дорогая Нина!

Я долго собирался написать тебе и едва ли не дольше писал. Начал еще в октябре, когда клены и тополи у меня под окном, словно гости на осеннем балу, стояли наряженные в багровое и золотое, пока сама хозяйка этого бала не посрывала с них все наряды ветром и холодным дождем, и сейчас они, нищие и продрогшие, тянутся снизу корявыми голыми сучьями, будто прокаженные, пришедшие за подаванием. За стеклом прозрачная темнота зимней ночи, из труб валит пар, сливочными клубами поднимается в небо, твердое, как ледяное стекло, и мерцание колючих звезд отражается в искрах морозного легкого снега. Если долго смотреть только вверх, то можно представить, что ты в космосе, один среди холода и пустоты, смотришь на дальние звезды с границ какого-то бесконечного войда. Я часто так делаю в последнее время: выключаю в квартире свет, сажусь у окна на кухне и смотрю в черноту.

Сначала я надеялся, что мне удастся отыскать тебя, да не вышло. Это кажется только, что во всемирной сети сейчас можно найти кого заблагорассудится, но для этого нужно, чтобы человек или был хоть сколько-нибудь заметен, или сам поделился информацией о себе. Так, например, в мае я нашел Ли Вэя, это было проще и быстрее всего. Он здесь врач, довольно известный, практикует традиционную китайскую медицину, у него немало пациентов в России, есть собственный сайт в интернете – туда-то я и написал через форму обратной связи, так, всего несколько слов: мол, привет, это кэп, вот мой телефон и электронный адрес, свяжись, когда будет удобно. Но он не связался. Я звонил по нескольким номерам с сайта, но везде мне отвечали – то на гуаньхуа с хайнаньским акцентом, то на английском, то на русском – сотрудники клиник: вежливо предлагали записаться к другим специалистам и так же вежливо сообщали, что поговорить лично с доктором Ли Вэем можно только у него на приеме и что он, к сожалению, очень занят в ближайшие несколько месяцев. И не в ближайшие тоже. Оставалось только любоваться на фотографию: конечно, лишние четыре десятка лет немало его изменили, но я уверен, что не ошибся – это он, наш Ли Вэй, без всяких сомнений.

Кого-то помог найти внук – у меня есть внук, представляешь! Зовут Егор, очень толковый юноша пятнадцати лет. Без него я бы совсем заплутал в социальных сетях, поисковых машинах, видеохостингах и всем прочем подобного рода; я быстро учусь и сейчас уже нипочем не спутаю Twitter и Instagram, а полгода назад еще изрядно терялся перед многообразием интернетических коммуникаций. Благодаря внуку мне удалось увидеть Эшли – вот была радость! Правда, всего на несколько секунд: с длинными седыми волосами, заплетенными в толстые косы, в каком-то пестром индейском пончо, воинственно вскидывая вверх сухонький старческий кулачок, она решительно двигалась навстречу полицейским шеренгам в плотной толпе демонстрантов, и вокруг нее возвышались, явно оберегая, несколько друг на друга похожих плечистых грузных мужчин в клетчатых рубашках и красных бейсболках – а потом раздался треск выстрелов, разрывы гранат и все заволочло густым белым дымом. Внук нашел и фотографию, сделанную из фрагмента этой видеозаписи: она широко разошлась по сети, а подпись гласила: «Ультраправая активистка Эшли Хатчинсон-Грант и ее шесть сыновей во время штурма Капитолия». Я обрадовался тогда: во-первых, тому, что у нее здесь есть дети – ты, наверно, не знаешь, но Эшли очень переживала, что не может стать матерью; а во-вторых, потому, что найти контакты ультраправой активистки, да еще и с шестью сыновьями впридачу, должно было быть проще простого. Но увы: их аккаунты в Facebook и Twitter оказались заблокированы, а потом и вовсе удалены; единственный известный телефонный номер в Лас-Вегасе отвечал месяца два длинными пустыми гудками, пока металлический женский голос не сообщил, что абонент этот более не доступен.

Зато мне удалось поговорить с Зойкой, пусть даже разговором это назвать можно с известной натяжкой. Я набрал раздобытый внуком одесский номер – это оказался мобильный ее сына или племянника, толком не разобрать, да и не важно. Он несколько минут расспрашивал, кто я такой; я заверял, что старый друг и сослуживец Зои Михайловны и что она будет рада меня услышать; он попросил позвонить вечером, и я позвонил, и он снова спросил, кто я, потом долго куда-то шел с телефоном, слышно было, как кто-то шепчется, прикрыв микрофон рукой, и наконец я услышал Зойкин голос: «Алё!». Её шикарное контральто с годами таки дало легкую трещину, но это точно была Зойка – в конце концов, всего меньше года назад мне приходилось слышать этот голос в расцвете силы и красоты, и ошибка была невозможна. «Это я, кэп», – сказал я. Она переспросила, я стал объяснять, и вдруг она закричала: «Щоб ти здох!», и звонок оборвался. Я стал перезванивать, но постоянно слышал в трубке короткие гудки. Егор сказал, что так бывает, когда номер вносят в черный список.

Труднее всего оказалось найти несчастного Айхендорфа, даже точно зная, что он в Регенсбурге – ты, конечно, помнишь этот очаровательный городок на Дунае. Когда мы там были? Если взглянуть сейчас на календарь, то получится, что две – три недели назад; по внутреннему времени моей памяти и сознания – тому более восьми месяцев; ну а если принять, что стояли на Каменном мосту, смотрели в воду, смеялись историям про коньки и зимнюю рыбалку, которые рассказывал нам бедняга Генрих, мы тридцатилетними, а сейчас всем нам за семьдесят, то можно ли считать, что прошло сорок лет с того дня?..

В общем, коль скоро так вышло, что я оказался в родном Ленинграде, Эшли – в Вегасе, а Зойка – в Одессе, то и Айхендорфа следовало искать в Регенсбурге. Не самый большой город мира, но Егору пришлось постараться, чтобы найти там дальнюю родственницу Генриха, совсем юную, кажется, внучатую племянницу – она называла его дядей. «Дядя ни с кем не общается. Он стар, болен и лежит в клинике».

После этого стало ясно, что остальных искать смысла нет – никого, кроме тебя, дорогая Нина. Наверное, ты понимаешь, почему.

Я решил для себя, что, если не найду тебя до 12 октября, то просто напишу письмо на твое имя в Зугдиди, в надежде, что местные почтальоны знают всех местных жителей, а не только тех, кто наследил в цифровом альтернативном пространстве. Может быть, найдется кто-то чудаковатый и добрый, как в старых фильмах, кто с помятым конвертом в руке будет обходить дом за домом на залитых солнцем живописных узких улочках, среди каменных стен и зарослей винограда, стучаться в калитки, спрашивать всех, не знает ли кто, где живет Нина Когуа, и ему будут помогать в поисках пионеры, и пенсионеры, и даже добродушные бродячие псы, и, конечно, найдут тебя – за накрытым белой скатертью длинным столом, во дворе, под платаном, в окружении любящих детей и множества внуков. В конце все пьют холодное красное вино, радуются, поют песни и вместе пишут ответ.

Надежда зыбкая, но хоть что-то.

Сначала я хотел черкнуть всего пару строк: жив-здоров, как дела, вот мой адрес, а вот телефон, пиши, звони, буду рад. Но чем дальше, тем больше я хотел рассказать, спросить, обсудить; я стал делать заметки и записи, и сейчас становится очевидно, что письмо превращается то ли в дневник, то ли в повесть, так что впору уже нумеровать главы – и я, пожалуй, прямо сейчас так и сделаю, поставлю цифру «1» в самом начале письма.

Вот, готово.

Многое я записывал просто на память, потому что она стала в последнее время меня подводить, и чем больше подробностей я вспоминаю про семьдесят лет моей жизни здесь, тем больше забываю про другие тридцать лет, особенно про последние 220 дней, что мы все провели вместе. Иногда даже такое, чего забыть, казалось бы, вовсе нельзя. Например, месяц, наверное, не мог вспомнить Зойку, как тебе это?! Помнил только, что был кто-то на ее месте, но кто? Почему-то лез в голову Густафсон, тот здоровенный норвежец с «Андромеды-1», борода-

тый такой, в больших очках. Поэтому мне нужно, чтобы кто-нибудь удостоверил, верно ли я помню хотя бы основные события, ибо от правильности этих воспоминаний зависит та мера ответственности за случившееся, которую несем мы с тобой: я, принявший решение, которое все изменило, и ты, которая меня поддержала.

Сегодня снова 12 октября 2021 года.

Удивительно, но, вопреки распространенному мнению, оказалось, что можно прожить один и тот же день дважды. Интересно, что сказал бы по этому поводу Айзек? Наверняка объяснил бы как-нибудь на языке науки, отчего все стало бы еще непонятнее. Но увы, он тоже не стал со мной говорить. Кстати, про Айзека я совсем забыл рассказать – вот чертова память! Я ведь нашел и его тоже, правда, не в Акко, как можно было бы предположить, а в Беэр-Шеве. Егор, мой юный помощник и цифровой следопыт, сказал, что Айзек переехал жить к дочери. Я позвонил; он ответил сам. Я представился; он сделал вид, что не узнает меня и вообще не понимает, о чем и о ком идет речь. Мы препирались минуты две: я все более раздраженно настаивал и напоминал, он так же раздраженно от всего отнекивался, а потом бросил трубку. Но вот странно: примерно через полчаса с незнакомого номера с израильским кодом мне пришло сообщение на русском: «Не говори ни слова». И все. Написал ли это сам Айзек? Если да, то зачем? А если нет, то кто, и опять – с какой целью? Что за шпионские игры с подменной номера? И про что мне нельзя говорить? Впрочем, если загадочный отправитель имел в виду известные нам события, то с предостережением он опоздал, ибо в начале мая уходящего года я благополучно о них проболтался.

Но обо всем по порядку. Давай я сначала расскажу тебе, как здесь устроился.

2.

По местным меркам, жизнь моя сложилась неплохо. Прожил я ее инженером гидротехнических сооружений; временами ездил в командировки, бывал даже на Саяно-Шушенской ГЭС, но в основном сидел в НИИ на улице Гжатской. Как и многие, в начале девяностых годов гордо ушел из института, громко хлопнув дверью и пообещав через год стать миллионером. Как и почти все, тихо вернулся обратно спустя десять лет, чтобы спокойно доработать до старости: в моем случае это означало до позапрошлого года, когда намеки начальства на то, что пора бы уже наконец выйти на пенсию, стали слишком прозрачными.

У меня есть альбом с семейными фотографиями; все лица в нем знакомые и незнакомые одновременно. Я ни разу не видел их. Я прожил с ними всю жизнь. Вот папа в военной форме и мама со старомодной прической – их давно уже нет. Вот я сам, с тонкими усиками, с отпущенными по моде длинными волосами с косым пробором, в неловко сидящем душном костюме; меня держит под руку молодая жена в белой фате и пышном свадебном платье, похожем на большую порцию сахарной ваты; мы стоим у подножия лестницы во Дворце Бракосочетания на Английской набережной, а за нами до самого верха теснятся родственники и друзья – где теперь все эти люди? Живы ли? Почему сейчас нет никого рядом?.. Вот снова я, уже без усов, взволнованно тарашусь в объектив и окостеневшими от напряжения руками держу большой сверток из толстого одеяла и тоненьких пеленок; фотография черно-белая, но можно не сомневаться, что одеяло синего цвета, потому что у меня – мальчик. Рядом жена, чуть располневшая, уставшая и счастливая.

Жену звали Ира, она умерла от рака шесть лет назад. Мальчику дали имя Олег, и сейчас ему уже сорок семь. Таким сыном принято гордиться: у него успешная корпоративная карьера топ-менеджера, выплаченная ипотека, два автомобиля в семье, из хобби – велосипед и горные лыжи. Еще у меня двое внуков: Ростислава – это дочь Олега от первого брака, она уже взрослая, самостоятельная, ей двадцать четыре, окончила какой-то университет, название которого я не могу вспомнить, по специальности, суть которой мне не понять, и занимается чем-то, связанным, кажется, с маркетингом или с психологией – в общем, не знаю, а спрашивать еще раз не хочу, Ростислава сердится, когда я не могу разобраться в смысле ее работы. И внук Егор, о котором я уже говорил, это от нынешней жены Олега, Оксаны. Егору пятнадцать, он в десятом классе, увлечен компьютерами и математикой. В общем, как видишь, все молодцы и при деле. Сын, правда, уже полтора года, как без работы, с мая 2020-го, но это дело житейское, утрясется. В общем, семья у меня благополучная. Не хуже, чем у людей.

Я живу в двухкомнатной квартире, на седьмом этаже старого панельного девятиэтажного дома цвета осеннего петербургского неба, на Придорожной аллее – это северная окраина города. Окна квартиры выходят во двор – там есть скверик с деревьями и построенный буквой «Н» детский сад такого же безнадежно унылого цвета, как и дом. Ранним зимним утром в свете безжалостно ярких голубых фонарей на фоне белого снега копошатся черные фигурки, преодолевающие сугробы – это родители тащат за руку своих малышек сквозь тьму и мороз к чужой тете, сорвавшей голос от крика, к зеленым соплям, жестким раскладушкам и пенке на молоке. Окна общей лестницы дома смотрят на улицу, на другой ее стороне – море изломанных линий рыжих от ржавчины гаражей, еще дальше – промзона, бетонные приземистые корпуса и высокие трубы которой простираются до туманного горизонта.

Я один, иногда по несколько недель. Или месяцев. В комнатах постоянно висит раздражающий сумрак, даже днем, так что я включаю весь свет, но от него сумрак никуда не уходит, просто из серого превращается в тускло-желтый. Мне вообще не хватает здесь света и воздуха. Зато сны очень яркие и пугающе четкие, как будто реальность поменялась с ними местами. Всегда холодно. В щелях под дверьми со злым присвистом шепчутся сквозняки. Ночами через

дверь слышно, как ветер завывает в трубе мусоропровода, с яростью лупит неплотно прикрытыми форточками на лестнице. Постоянно гудит лифт: стоит мне выйти, чтобы вынести мусор – хоть ранним утром, хоть глубокой ночью, хоть днем, когда все на работе – как он непременно залязгает, завоет мотором, и, надсаживаясь, потащит куда-то кабину. Я специально прислушивался: двери открываются, но шагов нет, тишина; потом створки опять смыкаются с металлическим клацаньем, секунда – и снова гул из лифтовой шахты. Я возвращаюсь в квартиру, открываю дверь, переступаю порог, из большого зеркала напротив входа мне навстречу шагает мое отражение, и каждый раз я пугаюсь – всего на долю мгновения, не больше! – что кто-то чужой вдруг вырвался с обратной стороны стекла. Это не мои страхи, не мои чувства; они принадлежат одинокому старику, которым я стал так внезапно, но я принимаю их вместе со всеми ранами, печальями, радостями, болью и горьким опытом семи десятков прожитых им лет.

Иногда мне кажется, что я сам становлюсь этим стариком все больше и больше.

Друзей у меня не обнаружилось: кто-то помер, кто-то потерялся за давностью лет; соседей по лестничной клетке я знаю по именам, прочих – в лицо, но редко когда говорю им что-то, кроме как «Здравствуйте!» и «До свидания!». Правда, есть одно исключение: сосед Александр, что живет этажом выше. Я часто встречаю его у мусоропровода: он меряет узкую площадку шагами, громогласно откашливается, с остервенением курит и яростно плюется, едва ли не ежесекундно. Ему за пятьдесят, он одинок, и все время бранится и пророчит недоброе – а в недобром последние годы нет недостатка. Я первый раз встретил его в начале марта, почти сразу, как здесь появился. Он вышагивал от стенки до стенки, с силой втягивал и шумно выдыхал дым, то и дело заходясь надсадным кашлем. Увидел меня, мрачно зыркнул и поинтересовался:

– Вакцинировался уже?

Я не успел вспомнить, кто он такой, растерялся немного, но ответил:

– Да.

Александр звучно сплюнул, покачал головой и сказал:

– Ну ладно, ты-то старый, свое пожил, один черт – помирать скоро. А вот остальным – хана, всё, приплыли. Теперь всех нахрен чипируют. Как баранов.

Я не без удивления открыл в своем нынешнем характере странную деликатность, которая заставляет слушать неинтересное и соглашаться с нелепым только лишь для того, чтобы не обидеть малознакомого и не особенно приятного человека. Потому с тех пор и до сего времени, попадаясь Александру у мусоропровода, щурясь от едкого дыма и уворачиваясь от плевков, я узнал, что:

– Глобалисты это придумали, чтобы всех в цифровой концлагерь загнать. Они в ноябре 19-го проводили мировую репетицию по пандемии, а потом в феврале все и началось. Организовал учения фонд Гейтса, а Гейтс у нас кто? Главный спонсор ВОЗ. Вот и думай.

А еще, что:

– Шваб и Греф с подельниками учения организовали по отключению всего интернета. Так что жди. Сначала деньги наличные отменят, заставят все перевести в Сбер, а потом интернет отрубят – и все, плакали твои кровные. Будешь за хлебные карточки работать, чтоб только не сдохнуть. А вообще, все это Рокфеллеры еще десять лет назад в своих сценариях прописали. Неоконны чертовы.

И кроме того, что:

– ВОЗ уже и мероприятия свои проводит под Казанью, совместно с военными. Учат наших разворачивать мобильные пункты по вакцинации и ковидные концлагеря. Скоро все поедет туда, оглянуться не успеешь.

Я перестал выносить мусор вечерами и начал ходить к мусоропроводу днем, но дела это не поправило: Александра постоянно выгоняли с работы, то с одной, то с другой, так что он

располагал неограниченным досугом, во время которого, как мне кажется, только и делал, что читал новости и курил. Поэтому мне ничего иного не оставалось, как узнать, что:

– Все дело в бабках. У нашей Голиковой то ли сват, то ли брат хозяин конторы, которая вакцину выпускает. Вот тебе и все расклады. А в мировом масштабе если, ты себе представь! «Файзер» этот, к примеру! Когда уже они, суки, нажрут и треснут!

А после того, как Александр однажды не появлялся двое суток, что:

– Иду мимо, а он стоит, шипит мне: «Массссчку наденьте, массссчку!» И за рукав! Ну я развернулся и дал ему, как раз в массссчку...

Я заинтересовался источниками, из которых Александр черпал свои новеллы. Внук показал мне, что такое социальные сети и Телеграм, и я подписался разом на несколько десятков общественно-политических каналов, пабликов и тематических групп. Теперь, стоит мне только взять в руки смартфон или сесть за компьютер, как словно приоткрывается форточка, выходящая в клоаку мрачного переулка гиблых трущоб, откуда несутся звуки поножовщины и мордобоя, или в коридор коммунального общежития самого низкого пошиба, где сутками напролет в комнатах перебранки и драки; а если приняться за чтение и вместо форточки распахнуть дверь пошире, то и перебранку, и драку, и поножовщину устроят у тебя дома, да и самого вовлекут в это малопочтенное мероприятие. Не могу сказать, что почерпнул из своих исследований много полезной фактической информации, но зато наблюдений и выводов сделал предостаточно.

Дискуссия, как форма коммуникации для обмена мнениями и достижения согласия, здесь умерла совершенно и выброшена на обочину социальной истории будто околешая псина, без жалости и погребения. То, что сейчас по привычке именуется общественным диспутом, напоминает переключку двух противоположных фанатских трибун на футбольном матче, когда главное – это придумать кричалку пообиднее и проорать ее как можно громче. И тут уже не важно, будет ли кого-то чипировать Билл Гейтс – черт его знает, может и да, или нет; правы ли те, кто написал семьсот тысяч комментариев в адрес председателя Думы, или те, кто отказывает написавшим в праве называться людьми; читал ли «Великую перезагрузку» Клауса Шваба хоть кто-то из тех, кто размалевал престарелого администратора ВЭФ в своих публикациях под Люцифера и сделал из него пугало для взрослых с рассудком детей; масон ли Греф, есть ли пандемия, опасен ли вирус, действительно ли у Рокфеллера уже седьмое пересаженное сердце или плоска ли Земля – какая разница, если вместо аргументов у оппонентов только брызжащая слюной ярость, примитивные насмешки и оскорбления?

Никогда еще факты не значили так мало, а мифы – так много.

Я подумал было, что такая ситуация сложилась только в электронном пространстве, но нет! Центральные телевизионные каналы помимо художественных передач, о достоинствах которых я предпочту умолчать, круглые сутки демонстрируют совершенно безобразный, непрекращающийся скандал – и чем дольше это транслируется, тем менее скандал воспринимается как безобразный, и все более – как естественная форма общения.

Посеребренные сединой в бороде и висках, приличные с виду люди, состоявшиеся и состоятельные, перекрикивают друг друга, кривляются, коверкают имена оппонентов и используют выражения, более достойные недалеких подростков из класса компенсирующего развития. Степень взаимной ненависти и безответственной агрессии в риторике невероятная: взрослая публика с высшим образованием, социальным статусом и доступом к общественной трибуне позволяет себе не просто запредельный уровень оскорблений, но призывы то повесить, то расстрелять, то, в самом мягком случае, дать по башке раза два. Некоторые вызываются стрелять и бить по башке самолично. Ерничанье, неприличная клоунада, апелляция к личности, хамство и подмена понятий стали привычными на самом высоком, даже международном уровне общения. Деграция культуры дипломатии зашла так далеко, что ее уже не скрыть никакой масочкой, а заявления официальных представителей дипломатических министерств могли бы составить основу для перебранок рэп-музыкантов или бойцов смешанных

единоборств на пресс-конференции перед соревнованиями. Что вы там говорите? Мы нарушили право? На себя посмотрите, лицемеры чертовы! По яйцам получишь! У меня яиц нет, я баба, а ты жертва гендерного разнообразия, ха-ха!

Как будто полупьяные торговки не поделили места на базаре.

Впрочем, если посмотреть на суть вещей, то это сравнение не слишком грешит против истины.

Все на нерве, на страстях, на эмоциях. Никто не предполагает, не приглашает обсудить, не выражает точку зрения: все только и делают, что призывают и заявляют. В ситуации крайней поляризации мнений разобраться в реальных фактах не представляется возможным, а потому ложь перестала быть предосудительной, а сделалась чем-то средним между риторическим приемом и подобием аргумента. Все врут, во вранье обвиняют друг друга и при этом принимают ложь как элемент какой-то безумной игры, где важно смухлевать так, чтобы противник, даже прекрасно зная, что ты жулик, не смог подловить тебя на жульничестве публично. В итоге полемика сводится к яростной пикировке, схватке злобных комедиантов, где не важны ни факты, ни реальная экспертиза, ни знание, но только эмоции и впечатление. Журналистика выродилась совершенно, по сути, превратившись в информационную службу политики – факт, который все принимают как нечто само собой разумеющееся, – а по форме упростившись до умения ловко врать и позабористее обзывать.

Договориться больше нельзя. В первой же фразе любого разговора уже звенит раздражение, готовое прорваться потоком ядовитых оскорбительных реплик при малейшем признаке несогласия собеседника. Чужое мнение воспринимается как вызов ущемленному, болезненному эго и продуцирует агрессию, компульсивное желание унижительно высказаться, как правило, проецируя на объект неприязни пороки и побуждения собственной мелочной и злобной души. Единственно верным признается только тот взгляд на жизнь, что исповедует своя социальная группа; несогласным же решительно отказано в искренности, а их несогласие объясняется или корыстными побуждениями, или интеллектуальной ущербностью, или моральным уродством.

Общепринято стало непременно быть недобрым, циничным, иронично-желчным; самый верный способ показаться себе значительным – занять позицию саркастического насмешника, взять за правило токсичный инфантилизм подростка, упражняющегося в неумных язвительных выпадах, переходящих в откровенную грубость. Присвоить вдруг без всякого основания право безапелляционно осуждать и судить, не стесняясь в выражениях, стало легчайшим способом хотя бы мнимо, но возвысить себя над кем-нибудь или чем-то, хотя на деле это демонстрация не эрудиции или ума, а дурного воспитания и комплекса социальной ущербности.

Так бабуины, чтобы показать, что они тут главные, демонстрируют всем свою красную задницу.

С одной стороны, в этом нет ничего принципиально нового: временам общественных потрясений свойственен раскол общества и непримиримость суждений. Вспомни, как у Андрея: «Глупость, жестокость и хамство – это три некоронованных короля современной России!». Но он написал это в 1918-ом, а сегодня, сколь высока не была бы социальная турбулентность, уровня первого революционного года сто лет назад она пока еще не достигла. До какой же степени дойдет культивируемая в обществе агрессия, когда получит для себя более веские основания, если даже сейчас в комментариях по любой отвлеченной теме перехлестывает через край?.. А в том, что она именно умышленно культивируется, что озлобление телевизионных шоу и публикаций в сети – это не только грязные деньги, на которые покупается популярность, но и ролевая модель поведения, определяющая нетерпимость к инакомыслящим, у меня, увы, нет сомнений.

Если я прав, то мир в самом скором времени ждут потрясения пострашнее маячащего цифрового концлагеря и генетического геноцида.

Сейчас я уже научился справляться с психологической токсичностью социальной среды – так человек, оказавшийся в насыщенной углекислотой атмосфере, рано или поздно приучается в ней дышать, пусть даже находится постоянно в подобии полусна от кислородного голодания; но весной я был натурально отравлен ментально и буквально приступы удушья испытывал от этого сочетания невежества и ненависти: ненависти всех ко всем, по любому ничтожному поводу, ненависти, как ответа на все вопросы, ненависти, которая интегрирована, будто навязчивая реклама, в любой медийный контекст. Потом пообвыкся, а затем стал замечать за собой, что, едва услышу или прочту чье-то мнение по любому вопросу, как сразу чувствую желание непременно поспорить. Я открыл для себя и стал постоянно испытывать совершенно чужие и очень неприятные чувства: раздражение, даже неприязнь к совершенно посторонним мне людям. Раньше я не мог ни понять, ни принять для себя многого из новой истории; теперь стал замечать, что я не просто понимаю, а соглашаюсь как со справедливым, например, с обриванием наголо женщин, имевших связи с фашистами во время оккупации Франции; что мне не кажется чрезмерным пожизненное заключение для трясущихся стариков в инвалидных колясках, которые в годы Второй мировой войны были мальчишками, стоящими часовыми у ворот Треблинки или Дахау, или бывшими там поварами в офицерских столовых, или мывшими в этих столовых посуду; у меня не вызывали более отторжения слова из писем Ленина «повесить, непременно повесить, чтобы народ видел, не менее ста заведомых кулаков, богатеев, кровопийц», и я с ужасом ловил себя на том, что не без мрачного удовольствия примеряю эти императивы террора к тем, кого в данную минуту считаю себе оппонентами. Я понял, что еще немного, и, если пустить дело на самотек, то начну оправдывать пытки пленных, гибель детей на войне и публичную смертную казнь, совершаемую, желательно, самым кровавым и жестоким способом. Я чувствовал себя напряженным, натянутым, как струна, во мне бурлило смятение, раздражение, неприязнь; а если добавить к этому совершенно нетривиальный внутренний разлад памяти, сознания, личности, то можно представить, в каком состоянии я находился через два месяца после появления здесь.

Отчасти это объясняет произошедшее в начале мая.

На Пасху ко мне в гости пришли сын с женой и внуки – впервые с Нового года, замечу в скобках. Не то, чтобы кто-то из нас был особенно религиозен; собираться на Пасху было просто семейным обычаем, протянувшимся через поколения, который поддерживала моя покойная супруга – а теперь вот, получается, и я, после того как ее не стало.

Днем из-за легкой облачной дымки выглянуло несмелое солнце, но и этого мимолетного взгляда хватило, чтобы гостиная наполнилась нежным светом одного из тех юных и радостных дней, что редко, но все же случаются весной в Петербурге. Мы сидели за большим столом, накрытом заказанными в ресторане закусками, куличами из булочной и мисочкой с яйцами – их принесла Оксана, и то ли красила сама, то ли тоже где-нибудь заказала. Все шло хорошо, так, как и полагается на семейном обеде: внук Егор, опустив нос в тарелку и не стащив наушников, молча наворачивал салаты; умненькая Ростислава, поглядывая через круглые очки в тонкой оправе, вежливо рассказывала про какой-то семинар то ли по продуктивности, то ли по саморазвитию; Оксана в нужных местах кивала, удивлялась и выказывала интерес. Олег в основном молчал; он крепкий, широкоплечий, с короткими пепельными волосами, совершенно на меня не похожий, и почему-то очень меня раздражает, но я так и не разобрался, кого именно: то ли своего семидесятилетнего отца, то ли тридцатилетнего кэпа. Может, дело было в том, что накануне я до глубокой ночи попеременно изучал то телеграм-каналы урапатриотов, то страницы в Facebook их либеральных противников; или в том, что с утра сосед Александр уже успел предсказать новый полный локдаун, войну с Украиной и голод. В общем, я дождался, когда Ростислава на секунду прервалась, чтоб сделать глоток морса, уставился на Олега и спросил:

– Как с работой?

Он чуть опустил плечи и буркнул:

– Никак.

Похоже, что отцом я был так себе.

– Что, не берут никуда?

Олег засопел.

– Сейчас очень слабый рынок труда, – ответила за него Оксана, и я заметил, как она слегка коснулась руки мужа. – Особенно просели все топовые позиции: например, на две реальные вакансии генеральных директоров в городе больше восьмисот резюме! А с позициями директоров по развитию или по маркетингу дела обстоят еще хуже. Кризис, увы.

Оксана, конечно, была права и вообще разбирала, что говорит: она работает в какой-то крупной компании, а должность ее называется «вице-президент по управлению опытом сотрудников» – как я понял, так сейчас модно называть тех, кто занимается кадрами. Я считаю, что Олегу с ней повезло: она красивая – античная правильность черт, прямой нос, светлые волосы острижены коротко, но ей это идет, – умная, самостоятельная, и своей самостоятельностью, насколько я знаю, никогда мужа не попрекавшая, даже сейчас, когда он дома сидит без работы. Но как бы симпатична мне ни была Оксана, останавливаться я не собирался.

– И что же, совсем никакой работы нет, что ли? Никто никому не требуется? – поинтересовался я у Оксаны.

– Нет, почему же, требуются, конечно. Всегда очень высокий спрос на программистов, вообще на айтишников: вот у меня сейчас только на 1С три вакансии открыто в офисе и на производстве. А в IT-отрасли разработчиков разрывают буквально! Рабочие специальности постоянно востребованы, сварщики, например, или водители погрузчиков – ну, это тоже из моего актуального. Да, а вот еще уборщицу в офис не можем найти, представляете? Дошло до того, что я сама провожу собеседования с кандидатами на эту позицию и рассказываю им о преимуществах нашей корпоративной культуры! А они слушают и обещают подумать и перезвонить!

Оксана рассмеялась, но разрядить обстановку не вышло.

– Ну вот пусть и выучится на программиста или сварщика, – сказал я. – Или в уборщицы пойдет, если ничему научиться не может.

– Да, я тоже всегда папе говорю, что нужно избегать акцентуации на негативе, быть в моменте и искать новые возможности... – неожиданно подхватила Ростислава, но поймала взгляд отца и осеклась.

Егор заинтересованно снял наушники и перестал жевать.

– Видите ли, так резко поменять карьерный трек тоже не получится, – Оксана чуть порозовела, но осталась невозмутимо приветливой. – Требуются ведь не только фактические знания, но и реальный практический опыт. Да и зарплатные ожидания придется несколько скорректировать...

– Так пускай скорректирует. Ты сколько получал на прошлой работе?

– Я не получал, а зарабатывал, – огрызнулся Олег. – Четыреста плюс бонусы.

– Ну так может, пора планку снизить? Пойдешь на... Оксана, сколько там вы уборщице платите?

– Знаешь, я не для того двадцать лет карьеру делал и компетенции нарабатывал, чтобы теперь снижать планку!

– Да? И что ты такого полезного сделал за это время?

Оксана откинулась на спинку стула и опустила глаза. Зато Олег смотрел теперь прямо на меня.

– Я за это время квартиру купил, дочери обучение оплатил, восемь машин поменял, и три миллиона вложил в ремонт дачи, которую ты, папа, от деда получил и забросил!

– Ну, ты же не покупателем квартир устраиваешься работать, верно? Я про другое тебя спрашиваю: что ты реально сделал нужного за эти двадцать лет на работе? Вот тебя выгнали...

– Олега не выгнали, а сократили, – тихо заметила Оксана.

– Ну, какая разница. Я так считаю, что того, кто создает что-то ценное, не сокращают. Вы же программистов или сварщиков не сокращаете, Оксана? Потому что значимость и результат их труда очевидны. Избавляются от иждивенцев, которые непонятно чем заняты. Так что именно выгнали. За ненадобностью. Вот я и спрашиваю тебя: что ты сделал за двадцать лет твоей такой важной карьеры?

Олег набычился.

– У меня несколько десятков кейсов по развитию федеральных брендов, если ты вдруг заинтересовался. Я строил региональные сбытовые сети с уровнем дистрибуции больше девяноста процентов, а на последнем месте работы обеспечил рост капитализации на одиннадцать пунктов период к периоду...

– И что напишут на твоём могильном камне, сынок? Резюме про федеральные бренды? Рекомендательное письмо? И что из написанного поймут твои потомки? Чем будут гордиться? Тем, что ты помогал кому-то заработать побольше на том, чтобы продавать на рынке товар, который ничем не лучше двадцати таких же?

– Знаешь, кто бы говорил! На твоём камне что напишут?! Ты всю жизнь в своём НИИ просидел, потом в девяностые попробовал то макаронами, то колбасой торговать – безуспешно, заметь! – дошел до того, что год сторожем на стройке работал, а потом вернулся обратно в институт и еще почти двадцать лет там стул просиживал, не знали уже, как от тебя избавиться! Ты сам что сделал хорошего в жизни? Чего добился?

И тут я сказал:

– В тридцать один год я стал лидером первой и единственной в истории человечества экспедиции к краю Вселенной.

Стало тихо. Все молча смотрели на меня: Олег в замешательстве, Оксана с некоторой опаской, Егор с веселым удивлением.

Первой пришла в себя рассудительная Ростислава. Она поморгала и произнесла:

– Кажется, дедушка хочет сказать нам, что он из будущего.

Я улыбнулся.

– Нет, не так. Дедушка хочет сказать вам, что он из настоящего.

3.

Я вспоминаю газетные заголовки.

«СКВОЗЬ ГОРИЗОНТ»

«МАГЕЛЛАНЫ КОСМОСА»

«ВЕЛИЧАЙШАЯ ВЕХА В ИСТОРИИ»

«ШАГ ЗА ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОГО»

«12 октября 2021 года объединенное человечество в неуклонном стремлении расширить пределы познания отправит в космическое пространство первую в истории экспедицию с миссией достичь конечных пределов Вселенной – или же доказать, что таких пределов не существует! Согласно предварительным расчетам ученых, для достижения этой цели исследовательский космический крейсер класса А-бис «Эволюция» с новейшим SQR-двигателем четвертого поколения преодолеет до 90 миллиардов световых лет, совершив несколько десятков субквантовых переходов. Это позволит опередить гипотетическую скорость расширения пространства и достигнуть границ его естественного развития. С учетом разгонных значений, продолжительность полета составит от 10 до 20 лет по времени Земли. В состав экипажа «Эволюции» вошли...»

Мама вырезала все статьи про нас и вложила в альбом. У папы в ветеринарной лаборатории коллеги просили автограф. Соседи собирались у родителей дома, чтобы посмотреть по телевизору выпуски новостей о предстоящем полете.

Конкурсный отбор на участие в экспедиции к краю Вселенной продолжался одиннадцать месяцев. Подать заявку нас убедила неугомонная Эшли. То есть, и мы с Зойкой, конечно, очень хотели и заявиться, и победить – шутка ли, первый в истории человечества полет к границам нашего Мира! Любой из десятков тысяч звездолетчиков Исследовательского Космофлота мечтал об участии в этой миссии с того момента, как Академия Дальнего Космоса объявила о подготовке к полету и наборе экипажа. Конкурс почти в пятнадцать тысяч претендентов на место нас не пугал, однако по некоторым обязательным требованиям мы не проходили: например, для подачи нужно было иметь не менее трех «миллионных» полетов, а мы за миллион световых лет ходили только один раз, к аномальной системе Трицератопса на окраине карликовой галактики в Фениксе. У Зойки не хватало личных суток налёта: с Эшли мы работали вместе почти десять лет, с первых дней в космосе, а она присоединилась к нам через два с половиной года, когда решила, что одной подводной археологии ей в жизни мало.

– Ну и что? – отвечала Эшли. – Будем подаваться как экипаж, тогда совокупного налёта получится даже больше, чем нужно. Мне ребята из Третьей Межгалактической эскадры сказали, что экипажам пройти будет легче, чем по индивидуальным заявкам. К тому же у нас самый высокий в дивизионе рейтинг работы с научными группами, а кэп – лучший атмосферный пилот во всем Исследовательском Космофлоте, это каждый знает.

– Не думаю, что для такой экспедиции мои навыки десантирования на агрессивных планетах будут решающим преимуществом, – заметил я. – Да и «миллионников» все равно не хватает.

Эшли только отмахнулась.

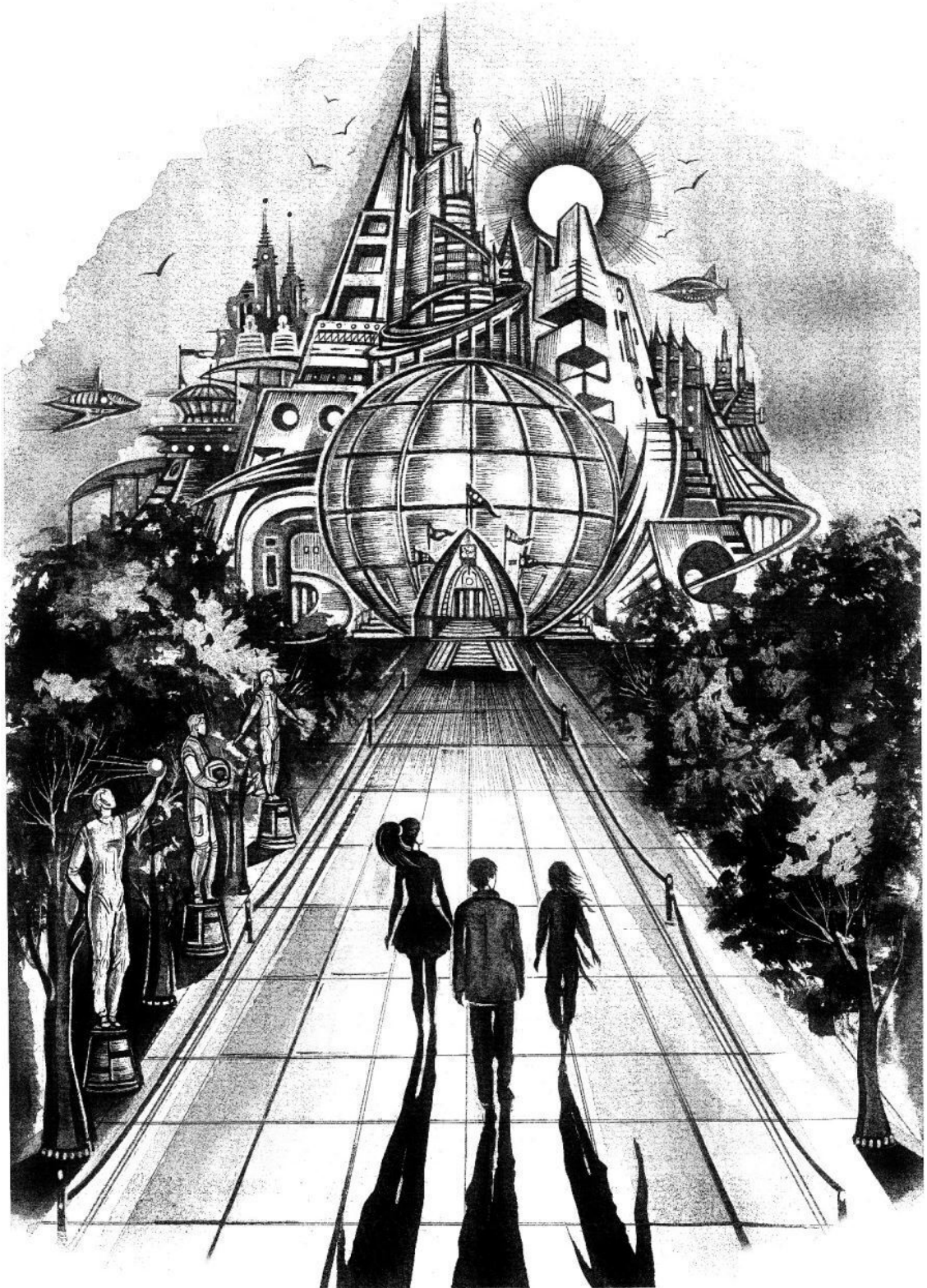
– Это все формальности. Поверьте мне: мы пройдем конкурс первыми и наиболее стабильно!

В общем, в начале июня 2020-го, едва вернувшись с Сунсага, откуда в который раз вытаскивали застрявшую там команду палеоксенологов, мы прямо с космодрома махнули на глайдере через океан подавать заявку в Среднерусский филиал Академии Дальнего Космоса.

Я помню тот летний день. Мы оставили глайдер на круглой площадке на вершине холма; вокруг, сколько хватало взгляда, под ярко-синим безоблачным небом расстились просторы

густых лесов и широких полей с лентами тихих рек; среди пологих холмов пышными соцветиями всех оттенков зелени возвышались отдельные купы деревьев. Солнце сияло в зените, и ему откликались ослепительной белизной кубические корпуса и устремленные вверх башни Академии, стилизованные под первые ракетные корабли, и сверкал алмазными гранями широкий стеклянный купол центрального здания.

Мы спустились с холма по мощеной светлой плиткой тропинке и ступили на длинную прямую аллею, что вела через зеленое поле к главному входу. По обе стороны аллеи возвышались молодые дубы, между которыми на постаментах стояли скульптуры, всего числом сто одиннадцать: память о тех, кто не вернулся домой за двадцать семь лет межзвездных полетов. Четырнадцать астронавтов погибли при высадке и первичном исследовании новых планет; тридцать два – в открытом космосе, из них только девять при обстоятельствах, которые удалось доподлинно установить; еще шестьдесят пять звездолетчиков исчезли безвестно – суровое напоминание всем нам о том, что во Вселенной непознанного человеком остается куда больше, чем изученного. В конце аллеи есть сто двенадцатый постамент, он пустой, без памятной надписи – символ готовности к новым жертвам во имя познания, бесстрашный взгляд в будущее. Каждый, кто проходил этой аллеей, должен был осознавать, что завтра на свободном пока постаменте может появиться его имя.

Мы шли молча меж двух рядов белоснежных скульптурных портретов погибших товарищей, и я, как всегда здесь, вспоминал героические вехи освоения дальнего космоса. Ты ведь тоже не забыла их, Нина?..

Формально первой в истории межзвездной экспедицией считается полет к Альфа Эридана в 1998 году. Его совершил исследовательский крейсер «Заря», оснащенный опытным образцом первого SQR – двигателя с максимальной дальностью субквантового прыжка всего в

сто световых лет. Чтобы добраться до Ахернара, им понадобилось прыгнуть два раза, причем перезаряжаться между переходами пришлось больше восьми недель!

Это было, конечно, отчаянное путешествие. Однако «Заря» совершила первый достигший цели межзвездный полет. Но еще в 1993-м к Альфа Центавра отправилась знаменитая экспедиция на «Пионере», корабле с гравитационным двигателем первого поколения, дававшим тягу всего в 0,45 скорости света. О, эти ревущие девяностые! Романтика бесстрашных открытий! Я тогда был еще совсем маленьким, но помню то чувство всеобщего воодушевления от известия о старте Первой Межзвездной. Двадцать два храбреца готовы были провести в полете долгие годы и вернуться на Землю через столетия, только бы достичь звезд! Но в 1999-м они были встречены SQR-космолетом «Пегас» за пределами Солнечной системы неподалеку от облака Оорта – гримасы релятивистского эффекта! – взяты на борт, и всего через час первыми из людей высадились все-таки на единственной планете системы Альфа Центавра ABC, куда, из уважения к дерзновению первых, никто из землян до них еще не ступал.

В 2004 году, через шесть лет после старта «Зари», первые SQR-двигатели нового поколения с диаметром кольца в триста метров и максимальной дальностью прыжка десять тысяч световых лет открыли широкие возможности для исследования Галактики. «Десятитысячники» и сегодня остаются самым массовым видом космических кораблей; я и Эшли два года ходили на таком после окончания Академии: это был операционный корвет «Астра», на нем мы собирали отработавших ресурс исследовательских роботов с разных планет. На «десятитысячнике» «Чайка» Чен, Ливингстон и Ковальски впервые достигли квазигалактики в созвездии Большого Пса, а в 2006 году «Бросающий вызов» за 18 прыжков в течение 13 месяцев преодолел расстояние в 163 000 световых лет до Магелланова Облака, совершив первый в истории человечества настоящий межгалактический перелет. С помощью квантовомеханической связи экипаж сообщил, что они достигли S Золотой Рыбы, и периодически продолжает выходить на связь по сей день, но так как для подзарядки перед каждым прыжком им приходилось долго идти на околосветовой скорости, то, в силу парадоксов пространственно-временного континуума, «Бросающий вызов» еще не вернулся и даже не встретился ни одному кораблю, которых к Магелланову Облаку ходит сейчас предостаточно.

В 2011-м появились «стотысячники», крейсеры класса А, уверенно исследующие соседние квазигалактики и галактики – спутники. А в 2014 году состоялось очередное знаковое достижение: первый «миллионник» «Персей-1» с кольцом SQR-двигателя диаметром в 1,2 километра достиг галактики Андромеды! После этого в 2017-м силами трех «миллионников» «Персей-1, -2, -3» доставили и собрали на окраине ее северо-западного спирального рукава первую и пока единственную межгалактическую исследовательскую станцию «Андромеда – 1».

В 2018 году случилась трагедия: «Персей-1» после планового прыжка на полтора миллиона световых лет пропал без вести со всем экипажем и командой исследователей. Причины выяснить не удалось, хотя в гипотезах недостатка не было. На аллее, ведущей к Академии, разом добавилось двенадцать новых скульптур. Строительство «миллионников» временно приостановили, но уже в 2021 году человечество бросило новый вызов Вселенной, создав «Эволюцию»: уникальный исследовательский звездолет – «миллиардник» с расчетным экипажем из пяти астронавтов и семи учёных.

Я помню просторный зал Академии: прозрачный свод потолка уходит вверх на десятки метров, все залито солнечным светом, блики отражаются от сероватого гладкого пола и от блестящей поверхности десятков белых столов, за которыми сидят такие же, как мы, звездолетчики, и заполняют бланки заявок; в тишине чуть слышно шуршат по бумаге карандаши и отдаются наши шаги гулким эхом. Вслед нам поднимают головы, оборачиваются, зашелестел шепот; я к такому привык и улыбаюсь. Мы всегда привлекали внимание: высокая, атлетичная, смуглая Зойка, с карими глазами и волосами черными, как южная летняя ночь, словно пре-

красная и воинственная богиня Причерноморья; и Эшли – тоненькая, светлокожая, похожая на дерзкую хулиганистую старшеклассницу, с белокурыми волосами, заплетенными в десяток тугих тонких косичек.

Помню, как заполнял бланк заявки: специальность, опыт, профессиональные рейтинги, совокупный налёт, самая дальняя экспедиция – та самая галактика в Фениксе, наш единственный «миллионник»; самая продолжительная – 25 недель, исследовательский рейс к сфероидальной квазигалактике Секстант – 1; и отдельная короткая строчка в анкете – «ЛИДЕР», с квадратиком, чтобы поставить отметку или оставить его пустым.

Я нарисовал галочку. Это означало мою готовность выполнять роль лидера в будущем экипаже.

Порой я думаю, что лучше было этого не делать. Что следовало уговорить Зойку лидировать этот полет, пусть даже она всегда изо всех сил этому сопротивлялась. Предлагал же ее кандидатуру очарованный Зойкой Айхендорф, но она, как всегда, отшутилась: мол, мне нельзя в лидеры, я трусиха. И все проголосовали за меня.

Лидер в экипаже космического корабля – это не профессия, тем паче не должность, а роль. Взрослые, разумные, нравственные люди, специалисты своего дела, не нуждаются в начальнике, который будет говорить им, что делать, отдавать приказы и контролировать исполнение. Но они могут нуждаться в том, кто имеет перспективное видение, организует совместный труд, поддержит в непростую минуту, не даст команде пасть духом, а еще более – в том, кто примет решение в критической ситуации и возьмет ответственность на себя. Это ключевая обязанность лидера, и она обеспечивается не властью правил, а коллективной договоренностью внутри группы, которая этого лидера выбрала.

Этот принцип действителен для всех уровней общественного устройства.

Чаще всего лидерами бывают пилоты – наверное, наследие гражданской авиации прошлого, где капитаном всегда был первый пилот, – но нередко ими становятся штурманы и бортиженеры, реже – врачи, и порой даже кибернетисты. Иногда лидер – это самый старший в команде, а иногда и самый молодой; бывает, что в сложившемся экипаже лидер не меняется много лет, а бывает и так, что перед каждым полетом команда выбирает нового лидера. Случается, в общем, по-разному, но я никогда не слышал такого, чтобы кто-то сам просил сделать его лидером группы, ибо в космосе груз ответственности бывает очень тяжел, а в случае, если решение стало причиной трагедии, он станет страшен. Если я чем и горжусь, так тем, что за десять лет, что я лидировал команды, мы не потеряли никого, все вернулись домой живыми: и астронавты, и исследователи, и даже в группах учёных и колонистов, которых нам частенько приходилось вытаскивать из неприятностей на негостеприимных планетах, не погиб ни один человек.

Мы с Эшли еще в Академии заявили себя, как напарники, и всегда парой входили в сменные экипажи. Так получилось, что меня почти всегда выбирали лидером, хотя нам приходилось летать и в группах, где лидировал врач или инженер. Первые два года в операционной вспомогательной эскадре мы так и ходили вдвоем, а когда перевелись в исследовательский флот, то на первую же экспедицию в сборный экипаж – кажется, на «Аксиому» – нам придали в качестве бортиженера-стажера Зойку, которая только что выпустилась с Академических курсов профессиональной переподготовки. Она так и представилась всем – Зойка, крепко жала руки и так широко, солнечно и искренне улыбалась, что нельзя было не улыбнуться в ответ. Рейс был совсем короткий, всего три недели, но уже к исходу первой Зойка совершенно очаровала и нас, и сурового седоусого лидера экспедиции, и ребят-планетологов из научной группы, половина из которых в нее сразу влюбились, и даже синевласую отшельницу-кибернетиста, так что сразу по возвращении мы с Эшли предложили Зойке присоединиться к нам в качестве постоянного инженера. К тому же, и дело свое она знала отлично, но это именно что «к тому

же», ибо, перефразируя известную поговорку звездолетчиков, берешь в экипаж бортинженера, а потом в одном корабле полгода летишь с человеком.

Пилот, штурман и инженер – основная часть экипажа; врачи сопровождают не каждый рейс – с базовым оборудованием корабельного медицинского комплекса умеет обращаться любой звездолетчик, а в самом критическом случае всегда можно воспользоваться криогенной заморозкой, чтобы доставить пострадавшего в госпиталь на ближайшей населенной людьми планете. Да и в космофлоте медики редко задерживаются дольше пяти лет, так уж сложилось. Что же до кибернетистов, то это особые люди, единственные, кто привязан не к экипажу, а именно к кораблю. Точнее, к корабельному автопилоту, он же ICU – интеллектуальный блок управления (intelligent control unit) на основе искусственного разума. Это мозг звездолета, центр его операционной и навигационной системы, созданный в первую очередь для того, чтобы просчитывать последствия субквантового перехода. При прыжке на сотни и тысячи световых лет, не говоря уже про миллионы и миллиарды, корабль летит в неизвестность; по сути, он устремляется в будущее, ибо с помощью любых исследовательских средств мы видим дальний космос таким, каким он был в прошлом, соответственно, сотни, тысячи, миллионы и миллиарды лет назад. Нужно учесть и проанализировать колоссальный объем информации из области астрономии, космологии, астрофизики, физики поля, физики времени и еще из десятка физик, чтобы в короткое время сделать расчеты невыносимой сложности с неисчислимым количеством неизвестных и верно предсказать последствия мгновенного перемещения через бездны пространства – как минимум, не окажется ли корабль внутри сверхновой звезды, квазара, пульсара, невесть откуда взявшейся черной дыры или бродячей планеты. Последствия космологического толка тоже принимают в расчет: изменение плотности темной материи, флуктуации нейтринного поля, опасность появления в точке выхода из субквантового прыжка продольной гравитационной волны, не говоря уже про квантовомеханические риски. Таким образом, ICU используется в основном как очень сложный бортовой навигационный прибор, который подготавливает маршрутную трассу, предиктивную аналитику и рекомендации для пилота и штурмана, но окончательное решение принимает всегда человек. Этот же принцип применим и к управлению бортовыми системами в автоматическом режиме, медицинскими и исследовательскими приборами, устройствами пилотирования – всем, к чему ICU дают доступ.

Как правило, доступ у него есть ко всему.

Любой корабельный автопилот является эманацией единого общепланетного ICU, управляющего социальной инженерией и всеми обеспечивающими системами Земли и колоний; его еще называют Старик или просто Дедуля – наверное, потому, что он, подобно старейшинам прошлого, дает советы, которые формально необязательны к исполнению, но которым тем не менее все всегда следуют. Так как технологии алгоритмов искусственного разума унифицированы, то любые другие ICU, хоть для космических кораблей, хоть для Центра управления пищевыми поясами, хоть для НИИ Общественных наук, являются по сути единосущными и нераздельными со Стариком.

Считалось, что ICU не обладает сознанием и уж тем более личностью, пусть даже его рабочий интерфейс предполагает свободное использование естественного языка. Однако было замечено, что, хоть в нюансах, но скорость операций и качество прогнозной аналитики и рекомендаций отдельных ICU изменяется в зависимости от того, кто с ними работает, так, словно у каждой машины могут быть личные симпатии и предпочтения. Это казалось совершенно невероятным, но наши люди были свободны от предрассудков, в том числе, от страха показаться смешными или переступить черту между разумным и иррациональным, а потому взяли за правило прикреплять к конкретному ICU отдельного кибернетиста, который оставался в контакте со своей машиной до тех пор, пока не решал сменить род занятий. Обычно это были десятилетия, часто – вся жизнь. С момента первых межзвездных полетов кибернетисты завели

традицию давать своим ISU имена – это прижилось; иногда имена выбирали люди, а порой по каким-то причинам их рекомендовал сам Старик.

ISU «Эволюции» он дал имя Лаплас.

Но я отвлекся: прости, только сегодня рассказывал Егору про свои годы на Космофлоте – и вот, сейчас уже глубокая ночь, а мне не сдержать потока воспоминаний...

Итак, мы подали конкурсные заявки и на три месяца разъехались восвояси. Давно было принято правило: день в космосе – день на Земле, и абсолютное большинство астронавтов имели еще какое-то дело, ибо совершенно невозможно бить баклуши по нескольку недель или месяцев кряду. Зойка, как я уже упоминал, всерьез занималась подводной археологией, а еще спортом: была чемпионкой Черноморского края по плаванию на открытой воде. Эшли работала вожатой в детском лагере; наверное, туда ее привело нереализованное стремление к материнству, с которым, увы, не задалось. А я... представь себе, забыл, что делал, когда бывал на Земле. Помню, что писал что-то, но что?.. В памяти только всплывает слово «архив», да и то, не уверен. Может, газета?.. Нет, тоже не то. Зато помню, как катался в гости то в лагерь Эшли на Великих Озерах, то на побережье Крыма, где за сокровищами и артефактами древности ныряла Зойка, и как мы собирались втроем или в Вегасе, или в Одессе, или у меня в Ленинграде.

Через три месяца мы ушли в новый рейс, а когда вернулись, нас ожидало уведомление о том, что нами пройден заочный отбор и впереди ждет основной этап испытаний.

– Я же говорила! – радовалась Эшли.

Мы все тогда очень радовались.

Всего в следующий тур прошли 22 экипажа и еще 160 звездолетчиков по индивидуальным заявкам: пилоты, штурманы, инженеры, врачи. Для кибернетистов и для исследователей предполагался другой формат конкурса.

Четыре месяца продолжались очные тесты. Мы успешно и с хорошим запасом по баллам сдали специальность; на физподготовке в командном зачете благодаря Зойке вообще вошли в первую тройку, уступив только экипажам, в которых были чемпион мира по академической гребле и олимпийский рекордсмен по триатлону. Больше всего мы волновались перед психологическими испытаниями: во-первых, потому что это основной блок тестирования – среди миллиардов лет пустоты перед лицом неведомого и непредсказуемого профессиональные навыки и физическая выносливость – которые, к тому же, у всех участников конкурса были примерно на одном уровне, – будут не так важны, как качества личности; во-вторых, потому что к психологическому тестированию нельзя подготовиться. Неделю мы отвечали на вопросы анкет и интервьюеров, с нами по несколько часов разговаривали улыбчивые люди с внимательными глазами, мы прошли все мыслимые тесты «человек-человек» и «человек-машина», а в конце еще сутки провели в камерах сенсорной депривации с датчиками на запястьях и голове.

Почти месяц ученые НИИ Человека и ведущие эксперты Центра Подготовки Космофлота обрабатывали итоги конкурсных испытаний; почти полчаса их выводы изучал Старик, и он же выдал итоговые рекомендации – принятые, как обычно, без замечаний.

В финал прошли три лётных экипажа: наша тройка, четверо ребят из Второй Межгалактической, которые летали одним составом почти пятнадцать лет, и еще четыре человека с индивидуальными заявками, объединенные в одну команду по итогам тестирования. Двадцать один исследователь, семи из которых предстояло стать научной группой экспедиции, врачи и кибернетисты были распределены между экипажами астронавтов в соответствии с результатами психологических тестов. Предстоял последний этап.

В начале мая 2021 года мы опять прилетели в Академию Дальнего Космоса. Пробудившаяся природа широко распахивалась навстречу блестящему солнцу и синему небу, в прозрачном воздухе были растворены запахи вешней воды, душистые ароматы первых цветов, жизни,

молодости и надежды. Кроны дубов вдоль аллеи подернулись легкой зеленой дымкой распускающейся листвы; на белом мраморе статуй искрились прозрачные капли.

Мы вновь оказались там, где почти год назад заполняли анкеты участников конкурсного отбора. Теперь посередине огромного зала под прозрачным куполом сидели, ожидая нас, девять незнакомых нам человек: семеро исследователей и два члена лётного экипажа – те, кто, как и мы, прошел в финал. Две другие команды, как нам было известно, тоже собрались в тот день в Академии: одна – в библиотеке, другая – в обсерватории. Нам предстояло познакомиться друг с другом, а потом, по итогам знакомства, каждый должен был отдельно и лично передать организаторам свои предложения: кого оставить в группе, а кого лучше бы исключить.

Ты помнишь тот день, Нина?..

В газетных статьях по традиции перечисление экипажа начиналось с научной команды:

«... В состав экипажа «Эволюции» вошли:
Лидер-исследователь, астрофизик Ли Вэй,
Космолог Сато Акико,
Космолог Сато Юкико,
Физик поля Махтаб Фархади,
Физик времени Айзек Рубин,
Физик энергий Генрих Айхендорф,
Антрополог Нина Когуа...»

В суете и неловкости первых минут знакомства я удивился тогда: антрополог? В экспедиции к краю Вселенной? А ты засмеялась, ответив: да, взяли, чтобы двенадцатая каюта не пустовала!

Ты была похожа на девушку с иллюстрации в книжке «Мцыри», что я читал еще школьником. Ты мне сразу очень понравилась.

Зойка закрутила веселым вихрем, организовала всех, чтобы расставить тесным кружком стулья; Эшли тут же принялась искать и нашла общих знакомых: Айхендорф ходил три года назад к V404 Лебеда в экипаже со штурманом, за которого Эшли едва не вышла замуж на первом курсе, Айзек был знаком с нашим преподавателем по энергии слабых взаимодействий, а сестры-близняшки Сато, оказывается, лет двадцать назад были в одном летнем шахматном лагере с ее двоюродным братом. Я подумал тогда, что двенадцать миллиардов людей расселились по меньшей мере на десятке планет, а мир по-прежнему остается тесен.

Помню, как мы наконец расселись, и я предложил, чтобы каждый еще раз представился и немного рассказал о себе; помню, что Махтаб дольше всех оставалась застенчивой – это потом оказалось, что она хохотушка не хуже Зойки, а еще что почему-то попросила называть себя не Махтаб, а Лили; помню, как Али сказал о себе просто «я врач», развел руками и улыбнулся смущенно и белозубо; как Юкико представилась за двоих, а Акико, как всегда, промолчала; как следом за ними очень тихий, невысокий темноволосый парень представился: «Ой», и все стали переспрашивать, а он назвал полное имя, и спрашивать больше не стали:

«... Штурман Эшли Хатчинсон-Грант,
Бортинженер Зоя Черновыл,
Кибернетист Ойуун Убулаахан,
Врач Али Шейх Махмуд,
Лидер-пилот...»

Лидеров экипажа всегда указывают последними.

Мы провели тогда вместе четыре часа; лучи солнца уже не падали сверху, а широкими золотыми полосами лежали на блестящем полу от одной прозрачной стены до другой, и мы решили быстро написать, что от нас требуется, а потом полететь куда-нибудь вместе, чтобы продолжить знакомство. Помню, как Лили прикрывала свой листочек ладошкой, а Акико и

Юкико сдали один ответ на двоих. Потом мы набились в два глайдера и полетели в Москву; помню, как Айхендорф ночью читал Зойке стихи Гейне на очаровательно старом немецком, а Лили тут же переводила и повторяла их на фарси; как спорили, у кого сложнее родной язык, и победил Ойуун, потому что на саха-тыла говорили только Акико и Юкико, чем удивили нас всех, а более всего самого Ойууна. В итоге мы встретили раннее утро в Москве, сидя на набережной у Васильевского спуска и глядя, как восходящее солнце золотит устремленный в прозрачное небо шпиль высотки на Котельнической.

А около полудня нам сообщили, что мы стали экипажем первого в истории звездолета-«миллиардника», исследовательского крейсера класса А-бис «Эволюция». Наша группа была единственной, где ни один из двенадцати не предлагал заменить никого из будущего экипажа.

Началась подготовка к полету.

В основе своей «Эволюция» была типовым исследовательским крейсером, предназначенным для экспедиций в сверхдальний космос. Серьезные модификации относились главным образом к инженерно-энергетическому контуру и, конечно, конфигурации SQR-двигателя, так что на подготовительном этапе больше всего поработать пришлось Зойке. Основательно занят был и Ойуун, который, по обыкновению всех кибернетистов, немедленно свил себе гнездо на рабочем посту рядом с серверами ICU, и сутками там просиживал: знакомился с Лапласом, разговаривал с ним, даже пел ему что-то протяжное и мелодичное, и отлаживал его взаимодействие с операционными модулями «Эволюции». Уединение его нарушала лишь Эшли, чтобы вместе консолидировать навигационный блок с вычислительным центром ICU. К тому же, как оказалось, Ойуун вообще никогда раньше не летал в космос, ни в дальний, ни в ближний, за исключением школьных экскурсий на Луну и на Марс, так что ему пришлось отдельно осваивать базовый курс управления основными системами корабля – навыки, совершенно необходимые для всех без исключения членов экипажа, чтобы в случае критической ситуации каждый мог подменить хоть пилота, хоть штурмана, хоть инженера в той мере, которая позволит выжить и вернуться домой. Кроме него этот курс проходила только ты, Нина, потому что тоже никогда раньше не была в космосе.

Так ты сказала тогда. Я это помню.

У всех остальных наших исследователей был приличный опыт дальних космических экспедиций и отличная подготовка в части технических знаний. Вспоминая последующие события, я думаю, что было бы лучше, чтобы такая подготовка у некоторых хромала на обе ноги или отсутствовала вовсе.

Потом «Эволюция» отправилась в стартовую зону, а мы на два месяца поселились в Академгородке, изучая теоретическую часть программы того невероятного путешествия, что нам предстояло.

Пришла осень. Октябрь позолотил дубы на аллее; оранжево-красные листья липли к влажному белому мрамору, похожие на рваные раны.

В далеком 1993 году, отправляясь на «Пионере» в неизвестность межзвездных пространств, 22 отважных первопроходца перед отлетом с Земли на прощание посетили родные села и города – все вместе, родину каждого. Их можно было понять: они уходили на десятилетия, которые на Земле должны были обернуться веками. По сути, астронавты той Первой межзвездной навсегда покидали знакомый им мир. К счастью, дерзновенный полет человеческой мысли изменил сценарий, казалось бы, неизбежно предначертанный суровой судьбой, и они вернулись обратно всего через шесть лет – первыми покорителями единственной планеты нашей ближайшей соседки-звезды.

Но обычай остался. С тех пор перед каждым особенно значимым или рискованным рейсом весь экипаж посещает родные места; и вот, 1 октября 2021 года мы отправились в свое последнее путешествие по нашей Земле.

Первой точкой на прощальном маршруте был Лас-Вегас, родной город Эшли. Мы прилетели туда за полночь; с высоты в десять тысяч метров он сверкал мириадами ярких огней, словно на черный бархат пустыни кто-то опрокинул жаровню, полную раскаленных углей и бриллиантов. Несмотря на глубокую ночь, нас с нетерпением ждали, и организованный радушными жителями Вегаса парад в нашу честь завершился лишь с первыми лучами рассвета. Мы побывали во Дворце Славы Первых Космонавтов, в знаменитом Музее Передовой Науки, в «Ойкумене» – исполинском планетарии, где круглые сутки показывали в виде объемной карты всю исследованную человечеством область Вселенной с ее галактиками, квазарами и пульсарами, черными дырами, туманностями, звездами и планетами, и, конечно, в грандиозных павильонах Выставки Достижений Всемирного Хозяйства, а днем стали свидетелями трогательного прощания Эшли со своими родителями и шестью братьями, оставшимися ждать ее на ранчо неподалеку от города.

Мы побывали на родине Акико и Юкико, в очаровательном Нагасаки, с его террасами, сбегаящими к берегу моря, и множеством древних святилищ – тихом городе, не знавшем ужасов войн и пламени катастроф. На вечно цветущем, влажном и жарком Хайнане Ли Вэй угощал нас крошкой на кокосовом молоке, жареным мороженым и каким-то невероятным пороховым чаем. После субтропиков его родного Санья октябрьский Верхневиллюйск показался особенному морозным – один только Ойуун улыбался и, кажется, наслаждался ледяным крепким холодом родных мест; но меня, никогда не бывавшего здесь раньше, поразил не мороз, а величественные постройки этого всемирно известного наукограда, что подобно сказочным башням и шпилям вздымались среди равнин тундры на сотни километров по обе стороны от полноводной реки Виллюй.

В Зугдиди к дому твоих родителей пришел не только весь город, но, кажется, и люди из десятков окрестных сел – ты помнишь, Нина? Я честно старался удержать в памяти имена всех родственников, друзей и соседей, но все же сдался на второй сотне; нас задарили подарками и цветами, а Эшли получила с десятка предложений немедленно выйти замуж. Генрих, Зойка и Лили выучились танцевать лезгинку и неумоимо кружились в кругу восхищенной публики; Акико и Юкико обыграли в нарды твоего двоюродного дядю Самсона, которого никто не мог обыграть последние тридцать пять лет. Что же до меня, то я – да и Айзек, и Али, и Ли Вэй, и особенно Ойуун, к которому какой-то трогательной, едва ли не материнской заботой прониклась, кажется, твоя тетя – после изобильного угощения едва встали из-за стола, когда наступило время отправиться дальше.

В Пальмире мы познакомились с родными Лили и сфотографировались все вместе рядом с живописной Триумфальной аркой; в Акко гуляли среди бастионов, стен и подземных ходов; в Могадишо, городе, известном удивительным гостеприимством местных жителей, папа и мама Али, фермеры в трех поколениях, знакомили нас с потрясающими достижениями местных аграриев, кропотливым и самоотверженным трудом которых в этих ранее бесплодных и пустынных краях созидался изобильный и плодородный участок Великого пищевого пояса Земли.

Помню, как показывал вам Ленинград.

Мы были молоды; мы были жителями Земли, больше того – всех планет, где люди создавали новые колонии и города; нет – еще больше: мы были астронавтами, бродягами космоса, первопроходцами бесконечных просторов Вселенной! На Земле мы легко переезжали с континента на континент, уходя в рейс – оставляли за кормой родную планету и не оборачивались, устремленные вдаль и вперед. Мы были вечными странниками, полными жажды новых открытий, нам не была свойственна ностальгия, привязанная к родному месту чувством грусти или щемящей тоски.

Но Ленинград – это город, который невозможно покинуть.

Ты знаешь, я родился здесь и прожил всю жизнь. Обе жизни.

Можно годами не выходить на Дворцовую, не видеть огней на Ростральных, не смотреть на Петропавловскую крепость, проезжая через Троицкий мост, и не бродить закоулками Петроградской, но стоит лишь только уехать надолго, как начинаешь тосковать по всему этому, и тем сильнее, чем дольше разлука, и чем острее осознание того, что скоро вернуться не сможешь. Я водил вас по знакомым и любимым с детства местам: острова, Литейный, Пески, Коломна; я останавливался, и практически на любом перекрестке мог рассказать сразу несколько разных историй – не про архитекторов, дома или памятники, а своих, личных и важных. Сейчас, когда тоска одиночества порой становится невыносимой, а свет – особенно тусклым, когда кажется, что моя квартира – пузырь в паутине, и я останусь в нем вечность, безвылазно и безысходно, я выхожу из дома, еду в автобусе или метро, чтобы снова пройти по знакомым местам – но больше не узнаю их. Все так же – и совершенно иначе; не только витрины и вывески – но и небо, и краски, и дома, и лица, и выражение лиц, словно встретил старого друга, а он глядит на тебя, не узнавая, да и ты с трудом различаешь знакомые когда-то черты сквозь что-то холодное и чужое. Я как будто живу на могиле близкого человека; я в родном городе, потерянном для меня навсегда. Кажется, что он совсем рядом, загляни за угол, протяни руку, зажмурься покрепче, тряхни головой – но нет... Не откликается, не отвечает, как если бы я оказался с обратной стороны киноэкрана, на котором крутят черно-белые фильмы, или за зеркальным стеклом, или в призрачном городе мертвых, откуда нет возвращения...

Прости, Нина, что-то я расклеился к ночи. На часах сейчас 2.24. Наверное, пора спать – если смогу уснуть. Продолжу утром.

Прямо сейчас за дверью на лестнице опять завыл чертов лифт.

...Последней была Одесса. Едва ранним утром ступили мы на Овидиопольскую дорогу, в дальнем конце которой, среди деревьев старого парка, стоял дом родителей Зойки, как к нам побежала навстречу взволнованная, радостная ребятня, выкрикивая с восторгом:

– Тетя Зоя приехала! Тетя Зоя! Тетя Зоя!

До отлета с Земли оставалось чуть меньше суток.

Мы провели этот день в уютнейшем старом доме со скрипучими полами и мезонином, с садом, где в укромном его уголке потемневшую от времени резную беседку увивал виноград, и где каждому нашлось место, чтобы провести эти часы так, как ему было нужно: наедине с собой, или в веселой компании во дворе – там Зойка, любимица всех окрестных детей, без усталости возилась с ними до самого вечера. А когда зашло солнце и краткие южные сумерки стали ночью, мы отправились к морю.

Шум волн в темноте был размерен и тих, как дыхание спящего человека. Я лежал на песке, глядя в распахнутую надо мной бескрайнюю черную бездну, в которой вращались, подобные исполинским алмазным колесам, холодные россыпи звезд. Позади меня слышались голоса, тихий смех, то звенела, то снова смолкала раздобытая у Зойки дома гитара. Я почувствовал чьи-то легкие шаги по песку, а потом кто-то лег рядом со мной, голова к голове.

Это была ты, Нина.

– Айхендорф гитару мучает, – сообщила ты. – Хочет непременно исполнить какой-то жестокий романс.

Я улыбнулся и промолчал.

– О чем думаешь?

– О звездах. Где мы были, а где не бывали еще.

– И как?

– Да почти нигде не были, если в масштабах Вселенной. В одной только нашей Галактике больше трехсот миллиардов звездных систем. А сколько еще там, куда мы уже дотянулись: в Магеллановом облаке, в Большом псе, в Секстанте, в Фениксе, в Андромеде!

– И что же, непременно надо везде побывать? – тихо спросила ты.

– Обязательно! А как же иначе?

Айхендорф все-таки справился с гитарой; струны зазвенели мелодично и стройно, и он запел:

*Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть не дрожащей рукой
Только так бесполезно, так зло и ненужно
Опустили их в вечный покой...*

– Как ты думаешь, что нас там ждет?..

Я усмехнулся.

– Зойка сказала, что мы прилетим к краю Вселенной, а там на кромке уже сидят ребята из Третьей Межгалактической эскадры и нас поджидают, свесив ноги. Ну, как с Первой Межзвездной получилось.

Ты засмеялась тихонько, а потом все же спросила:

– Ну, а серьезно?

– Не знаю. Но что бы ни ждало, мы не отступим.

– Я обратила внимание, что в анкете при подаче заявок не было вопроса, почему вы хотите лететь, – сказала ты, помолчав.

– Предполагается, что ответ очевиден.

– Но так ли это, если подумать?..

*Осторожные зрители молча кутались в шубы,
И какая-то женщина с искаженным лицом
Целовала покойника в посиневшие губы
И швырнула в священника обручальным кольцом...*

– Та боже мой, Генрих, ну что ты за мировую скорбь развел тут! – воскликнула Зойка. – Хватит меланхолии уже, айда купаться!

– Как купаться! Я и так почти окоченел! Мороз!

– Али, ты спроси у Ойууна за мороз! Ой, сколько сейчас градусов в Верхневилуойске, примерно?

– Примерно минус пятнадцать.

– А здесь плюс пятнадцать и вода такая же! Теплень!

– Как летом у нас в Ленинграде, – отозвался я.

– Ну вот, и кэп говорит!..

– Я точно пойду!

– И я!

– Уговорила, но, если что, на себе к берегу потащишь!

– Да поташу я и тебя, и кого надо, не волнуйся!

– Ребята, все идем! Когда еще искупаемся снова!

– Пойдешь? – спросила ты у меня.

Я покачал головой.

– Нет, я еще полежу.

Обнаженная Зойка – длинноногая, высокая, сильная – с разбега влетела в тихий прибор, взбила брызги, нырнула и вновь встала на ноги, взмахом рук отбросив назад с плеч и груди намокшие черные кудри:

– Ну! Давайте же! Что стоим?!

Бледный и жилистый Айхендорф, завопив, бросился следом, высоко поднимая колени; за ним, скидывая на ходу одежду, с криком и хохотом устремились Эшли, и Лили, и Ойуун;

почти невидимой тенью скользнул в волны Али и вынырнул, отфыркиваясь, блестящий, как черный кит; взявшись за руки, вошли в воду тоненькие алебастровые фигурки Акико и Юкико, и остановились, боясь ступить дальше; но тут ты, скинув платье, вбежала в море, нагнулась, окатила их брызгами, и через секунду вы трое, смеясь, уже плыли следом за остальными, все дальше, в темную даль, и звезды дрожали, как слезы, отражаясь в ряби на черной воде.

На берегу остался лишь я, да Ли Вэй, что неподвижной безмолвной фигурой, скрестив ноги, сидел у кромки прибоя, да Айзек – он поднял гитару, и в наступившей тиши вновь зазвенели негромкие струны:

*И никто не додумался просто встать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране,
Даже светлые подвиги – это просто ступени,
Уводящие в пропасти к недоступной весне...*

4.

– Все, началось, Москву травят уже, – сообщил сосед Александр. – Ядовитый туман вторые сутки висит, народ задыхается. Вроде как, распылили формальдегид и диоксид серы. А скажут потом, что все от коронавируса померли.

Гулко хлопают форточками тоскливые сквозняки. Лифт настороженно молчит, будто прислушиваясь. За окнами серая хмарь. На стекле дрожат крупные капли, словно слезы, высеченные ударом плетей, свитых из ледяного дождя и мокрого снега. Пришел ноябрь – тревожный и неудобный, принес смутное беспокойство, наследие наших аграрных предков; ноябрь следует встречать в теплом доме, с полными закромами и надёжными замками на крепких дверях.

– В Питере тоже скоро начнут, – продолжал Александр, зловеще щурясь сквозь облако синеватого табачного дыма. – На госзакупках уже разместили заявку на холодный туман для метро. Пустят туда, как крысам в нору – и все, поминай, как звали.

Я преглупо киваю и сочувственно соглашаюсь. Почему?

– Уезжать надо, – говорю я, пытаюсь соответствовать, – куда-то в деревню. Пока не поздно.

Но Александр вдруг разозлился. С ним такое бывает.

– Куда уезжать?! – закричал он. – Да кто тебя пустит?!

Бросил окурок, плюнул, врезал кулаком в стену и, шагая через две ступени, поднялся к себе. Яростно хлопнула дверь.

Александр называет себя традиционалистом. Что это такое, он толком объяснить не умеет, а если спросить прямо, то начинает сердиться, говорить что-то про однополые браки, цифровизацию и ругать англосаксов. Складывается ощущение, что традиционализм его описывается исключительно через отрицание: нетривиальных половых предпочтений, информационных технологий, англицизмов, либерализма, устойчивого развития, глобального потепления, «зеленой» энергетики, экспериментального искусства – во всяком случае, я ни разу не слышал от него никаких положительных утверждений, касающихся образа будущего, кроме «не как у них» и «как у нас раньше», при этом представление об этом самом «раньше», в силу ограниченности исторических знаний, он имеет самое смутное. В общем, все это и вправду вполне соответствует характеристическим чертам типичной традиционной консервативной культуры, реагирующей агрессивно на все неизвестное или новое; но тем более странно, что именно самые яркие ее адепты так яростно выступили против принуждения к уколам и получению электронных кодов, вместо того, чтобы, как и полагается настоящим патриархальным консерваторам, не раскрывать рта и послушно делать, что скажет начальство.

Полагаю, что объяснение этого казуса состоит в том, что как раз традиционалисты лучше всего понимают на каком-то глубинном, сущностном уровне, что из себя представляет это самое начальство, да и вообще власть в своей истинной сути и отношении к подчиненным ей гражданам. Этого тут, впрочем, никто особенно и не скрывает: то «скотобазой из хрущевок» назовут публику, то бичевней, то, перестав вовсе сдерживаться, стадом баранов – прямо в федеральном радиоэфире; то признаются, что брезгуют летать с гражданами в одном самолете, то призовут быть благодарными за то, что в локдаун не заварили двери подъездов, хотя для властей так было бы проще; а один государственный муж, демонстрируя глубокое понимание взаимоотношений народа и власти, рекомендовал подчиненным разгонять с набережной горожан, распыляя облака дезинфицирующих средств, нисколько не сомневаясь в том, что люди в панике разбегутся, решив, что их всех потравят сейчас, как клещей. И правда, что же еще могут подумать граждане, увидев, как, грозно сверкая проблесковыми маяками, движется муниципальная техника, окутанная туманными облаками неведомых аэрозолей?..

Традиционное большинство безусловно признает священное право начальства бить в морду, бесцеремонно «тыкать», называть хоть скотом, хоть, по заветам Гоголя, немывтым рылом, давить лошадьми, травить псами и пороть на конюшне; это и не начальство вовсе, которое вдруг так не делает! Люди на колени даже считают возможным бухнуться, выпрашивая для себя милости – ты же видела, Нина, на видеозаписях в интернете, как во втором десятилетии двадцать первого века, граждане, натурально, с колен обращаются к верховному руководству? Впрочем, и за собой консервативная публика оставляет право на мужицкую хитрость: не на чувство собственного достоинства, нет, и не на свободу выбора, но только лишь на возможность исполнять приказы для видимости и увиливать от наказания – так у Салтыкова-Щедрина в «Истории одного города» проштрафившийся повар послушно засунул в рот таракана, которого барыня выловила из супа, но жевал его понарошку и не глотал.

Однако сию впечатляющую симфонию холопов и бар граждане готовы поддерживать, пока и власть тоже выполняет негласные правила социальной игры, сохраняя почтительную дистанцию, с которой народ единогласно одобряет любые начальственные фантазии, оставаясь при этом за пределами линии оцепления из солдатских штыков, глубокого рва и закрытых ворот. Поэтому, когда эти ворота вдруг распахнулись и оттуда со шприцами наперевес повалили угрюмые лекари при поддержке крикливых и наглых придворных глашатаев, когда государство, ранее забиравшееся только в карманы, полезло жесткими холодными пальцами в носоглотку, когда для доступа к естественным общественным надобностям оказалось необходимым дать себя изнасиловать иглой или ватной палкой, когда, наконец, казенные руки в медицинских перчатках потянулись и к детям – то все это было воспринято не просто как нарушение неписаного паритета, но как прямая и явная угроза физическому существованию, а глобальный характер происходящего только усугубил дело, породив архаический ужас в глубине параноидального коллективного бессознательного.

Люди здесь и без того не ждут ничего хорошего; помнишь фильм «Щит и меч»? Там есть пронзительная сцена, когда в концлагере немецкие офицеры угощают детей конфетами – а те берут, едят, и ложатся на землю, приготовившись умирать, уверенные, что их отравили. Дети в фильме знали, что сладкого от фашистов не жди – только яда; наши же граждане уверены, что власти истребят их без всякого сожаления, если случится к тому нужда и повод.

Сегодня сюжеты, где человечеству угрожает опасность уничтожения со стороны группы беспринципных злодеев, уже не фантастика, а журналистика.

...После моего яркого выступления на Пасху родные стали заходить ко мне чаще. Ну, как чаще: в принципе начали захаивать иногда, потому что раньше месяцами никто не являлся вовсе. Наверное, посчитали, что дед повредился в уме от старости и самоизоляции, ну и решили все-таки держать руку на пульсе, чтобы я не спалил квартиру или не выкинул еще что-нибудь в этом роде.

Первой появилась Ростислава: по-здешнему умненькая, деятельная и совершенно лишенная всякой эмпатии. Она приносила сок, или апельсины, или торт к чаю, усаживалась рядом со мной на кухне и последовательно пыталась разубедить в пагубном заблуждении об участии в экспедиции к краю Вселенной.

– Дедушка, вот ты говоришь, что явился из будущего... – обыкновенно начинала Ростислава.

Объяснять ей, что я не из будущего, а именно из настоящего, и что весь ужас положения заключается для меня как раз в этом, что каждый день я вижу на календаре знакомые даты, что совсем по-другому проживаю уже прожитые дни, что известный мне мир, полный света, и воздуха, и надежды, где-то тут, рядом, не далее мига, скрыт на периферии ослабшего зрения, затянут здешней тоскливой марью, словно окно, выходящее на море и горы, кто-то замазал казенную краской, или намалевал поверх солнечного пейзажа вывеску провинциальной пив-

ной – в общем, объяснять все это Ростиславе оказалось решительно бесполезно. Ей это было сложно, а сложному она в праве на существование обыкновенно отказывала.

– Так вот, ты говоришь, что из будущего, а смартфоном пользоваться не умеешь! Как же так, ведь для тебя это техника прошлого?

Я или парировал, что она тоже вряд ли разобралась бы с прялкой или даже коромыслом (Ростислава, наморщив лобик, тут же принялась гуглить, что есть «коромысло»), или просто мямлил невнятное, но Ростислава не сдавалась, и настойчиво, раз за разом, пыталась пролить немного света во мрак моего безумия:

– Вот ты, бабушка, говоришь, что из будущего, но ведь тогда ты должен был бы знать, что такое Spotify! Для тебя же это прошлое, так?

В итоге пришлось ей ответить, что в моем будущем такого прошлого не было. Ростислава озадачилась формулировкой и приходит перестала – наверное, до сих пор обдумывает ответ.

Зато в первых числах июня заглянул в гости Егор – в школе кончились занятия и всех отпустили на лето. В отличие от Ростиславы, он был неразговорчив; поинтересовался здоровьем, принес вафельных трубочек со сгущенкой, и мы два часа провели на кухне за чаем – в тишине, почти не разговаривая, занимаясь каждый своими делами: я осваивал ноутбук, Егор читал что-то в смартфоне. Я подумал тогда, что парня, наверное, просто заставили навестить деда, вот он и отбывал молча двухчасовую постылую вахту, но Егор вдруг зашел снова, буквально через два дня. Ну, хорошо; мне стало любопытно; мы снова уселись на кухне с чаем и трубочками, помолчали, а потом Егор спросил:

– Расскажешь про экспедицию?

От удивления я даже не понял сразу, про какую.

Сначала рассказ не очень-то клеился. Мне как будто неловко было, не знаю сам, почему. Но внук слушал внимательно, спорить или насмешничать и не думал, иногда задавал вопросы – вполне себе разумные, даже сложные, например, когда речь зашла про SQR-двигатели, так что я понемногу втянулся и будто ностальгические мемуары писал, вспоминая безвозвратно потерянное настоящее. Собственно, про наш полет я сначала почти не рассказывал, остановился на том, как мы вылетели 12 октября с Первого Лунного космодрома в зону старта, где нас ждала «Эволюция», зато много вспоминал про другое: про первые полеты с Эшли на «десяти тысячниках», про дальний космос, про наши приключения на разных планетах, да и просто о жизни и людях. Я нашел Ли Вэя и показал его Егору; он предложил помочь найти остальных наших. Сказано – сделано; я рассказал внуку про экипаж, как мы познакомились, как готовились вместе к полету, как перед стартом путешествовали по родным городам, и тут он спросил:

– А на каком языке вы разговаривали?

– На всех, – ответил я. – Сначала только Ойууну приходилось подстраиваться, потому что его саха-тыла кроме сестер Сато никто не знал, но к началу экспедиции мы заговорили и на нем тоже.

Егор помолчал немного и заметил:

– Я тут прикинул: русский, английский, украинский, китайский, японский, немецкий, фарси, сомали, грузинский, иврит, и вот еще этот якутский саха – и что, на всех разговаривали одновременно?

– Ну да.

Я рассказал ему про то, что в нашем мире сохраняется языковая идентичность культур, поэтому все люди у нас – мультилингвы.

– Это как?

– Ну вот, к примеру, есть билингвы: это те, которые с рождения говорят на двух языках в силу социальных или семейных обстоятельств, и оба языка эти для них родные, то есть они не просто свободно изъясняются на них, но и размышляют, причем не всегда осознают даже, на каком именно языке думают в настоящий момент. Мультилингвы владеют на таком уровне

минимум двумя десятками языков, кто-то – пятьюдесятью или шестьюдесятью, некоторые свободно обращаются с полутора сотнями. А между четырьмя самыми распространенными – английским, китайским, русским, испанским – лично я переключался совершенно автоматически, не отдавая себе в этом отчета. Крайне редко, но встречаются те, кто знает меньше трех языков – это печальная аномалия, ментальная инвалидность. Таким людям очень сочувствуют и лечат их, кстати, не без успеха.

Внук покивал, а когда снова пришел ко мне дня через три, достал смартфон и спросил:

– Сможешь перевести?

И нажал кнопку.

– #####? – прозвучало из динамика

– Что я сейчас произнес? – ответил я и улыбнулся.

– Ха! – сказал Егор.

И снова что-то быстро понажимал на экране.

– А теперь?

– Afi minn er svalur stjörnuskip flugmaður! – сообщил электронный голос.

– Мой дед – крутой пилот звездолета, – повторил я. – Спасибо, тронут!

– Офигеть! – восторженно вытаращился Егор.

– Можешь еще попробовать, – великодушно предложил я.

Уговаривать не пришлось, и четверть часа я разговаривал с автоматическим переводчиком то на финском, то на суахили, то на казахском, то на хинди. Наконец Егор сдался и спросил:

– И сколько же нужно учиться для этого? Или у вас там есть специальные гаджеты для изучения языков, ну или типа мозговые импланты какие-то?

– Это эволюция, дружок, – ответил я. – Простейшие эволюционные изменения, вызванные адаптацией к условиям жизни – в данном случае, к тому, что несколько поколений людей постоянно тесно сотрудничают и общаются в мультикультурной языковой среде. Человеческий вид способен мутировать очень быстро, иногда в течении не то, что одного поколения, а всего лишь двух-трех десятков лет. Вот, взять хотя бы вас: за последние годы у вас критически ухудшилась память, потому что вы больше не вспоминаете, а ищете в интернете; снизилась способность ориентироваться в пространстве и запоминать маршруты – ибо зачем, если есть навигаторы; вы все хуже и безграмотнее пишете – даже те из вас, кто с «пятеркой» по русскому языку закончил школу; вы не в состоянии выразить чувства словами и вместо этого выбираете рожицу из тех, что любезно предложит мессенджер; вы не можете сосредоточиться на чем-то одном дольше нескольких минут – и то много! – потому что разучились самостоятельно фильтровать аномально насыщенный поток информации; вы и десяти минут не можете провести без того, чтобы не схватить телефон и не посмотреть в него; у вас беда с устным счетом и уже наступает такая же беда с чтением. И все это произошло в пределах активной жизни одного человека – твоего отца, например, которому нет еще и пятидесяти. Причем, заметь, что речь идет не о приобретенных, а о природных умениях человека, присущих ему, как виду: запоминать, ориентироваться, общаться.

Егор послушал, а потом спросил:

– А на бенгальском можешь?

Кажется, именно в тот день он мне по-настоящему поверил.

В общем, у нас сложился довольно приятный клуб по интересам из двух человек: Егор помогал мне искать товарищей и объяснял законы и правила цифровой информационной среды, а я рассказывал ему про космические корабли, межзвездные перелеты и о том, как устроена была наша жизнь. Однажды, когда я довольно подробно описывал особенности конструкции десантных посадочных модулей с ионными двигателями, внук спросил:

– Дед, а как так вышло, что у вас в 2021 году есть субквантовые звездолеты с прыжком на миллиард световых лет, а у нас – нет?

Конечно, я ждал такого вопроса рано или поздно, но все равно не чувствовал, что смогу ответить на него так толково, как надо; ты бы смогла, Нина. Но тебя рядом не было, а потому я принялся объяснять сам, как мог.

– Потому что у нас нет много чего такого, что есть у вас. Например, нет такой огромной массы потребительских товаров. Нет сотен моделей пользовательских компьютеров и смартфонов, обновляемых каждый год. Нет настолько развитой сети электронных коммуникаций, используемых для развлечения, и такого неправдоподобно гигантского количества самих развлечений тоже нет: миллионы книг, которые не стоят того, чтобы их перечитывали, сотни тысяч фильмов и сериалов, которые забываются через день, столько же компьютерных игр, по сложности создания сравнимых с сотворением нового мира – и это не считая бесчисленных каналов и блогов в социальных сетях. Нет столько предметов тщеславия, комфорта и роскоши. Но главное – у нас нет войн; нет ни одной единицы военной техники; ни одно производство не создает бомбардировщики, авианосцы, крылатые ракеты и танки; нет военных спутников и, разумеется, боевых космических кораблей; ни один человек не размышляет над тем, как увеличить эффективность системы залпового огня или ловчей подавить радиосвязь у противника. Можешь представить себе, сколько интеллектуальных и творческих сил высвободится, если не будет нужды конкурировать за потребителя, совершенно ошалевшего от многообразия предложения, давно вышедшего не только за рамки необходимого, но и разумного? Сколько материальных ресурсов можно направить на качественное улучшение жизни людей Земли, из которых два миллиарда сегодня, прямо сейчас, не имеют свободного доступа к чистой воде, не говоря уже про еду, крышу над головой, лекарства и образование, если прекратить накачивать средствами и производственной мощностью военно-промышленный комплекс, который ежегодно в масштабах планеты потребляет одних только денег на несколько триллионов долларов, не считая природных ресурсов и человеческих сил? Но даже это не самое главное; у нас нет не только ядерной ракеты, которая способна летать вокруг света, пока непременно, неотвратимо не сожжет сотни тысяч людей – у нас нет тех, кто, слушая про такое достижение технической мысли, одобрительно улыбается и хлопает в ладоши, радуясь, что сожженные пойдут в ад, не успев помолиться. Представь, чего достигнет цивилизация, где на протяжении более полувека полностью освобождены от потребительской конкуренции и неприлично раздутых военных запросов не только производственные силы и материальные ресурсы, не только инженерная и научная мысль, но и сознание, открытое для иных смыслов, помимо лихорадочного консьюмеризма и вечной вражды.

Я перевел дух и добавил:

– Смыслы и ценности – это самое важное, поскольку они формируют человека и общество. У вас сотни лет выращивали бездумного потребителя, в котором нуждалась господствующая экономическая модель, и тысячи лет – столь же бездумного исполнителя, как того требовала модель политическая, причем в этом случае к сниженному интеллекту присовокуплялась еще и изрядная доля агрессии на случай войны. В итоге вы получили требующую постоянного контроля массу не слишком разумных и довольно злобных людей, с которыми теперь сами не знаете, что и делать. Вы построили цивилизацию, которая совершенствуется в создании антивандалных устройств, но не может избавиться от вандалов; вы умножаете способы слежения и контроля, но не можете побороть преступность; чем больше вооружаетесь – тем в большей опасности оказывается мир. Потому у вас и нет субквантовых звездолетов: вы променяли право космического первородства на похлебку из гаджетов и милитаризма.

Кажется, вышло немного вычурно. А может, и нет. Егор послушал, ничего не сказал и ушел. А через несколько дней явился снова и сообщил:

– Наш историк говорит, что война – это неотъемлемый элемент политической культуры человеческой цивилизации, и без нее невозможно было бы ни общественное, ни экономиче-

ское развитие. И что война вообще присуща человеку, как виду, с того самого дня, как первая обезьяна взяла в руки палку и треснула другой по голове.

У меня, конечно, тут же мелким бесом завертелась на языке фраза, что этот историк сам недалеко ушел в развитии от доисторической обезьяны, причем именно той, которая получила по башке палкой – издержки постоянного чтения местных телеграм-каналов, увы. Но лидер-пилот Исследовательского Космофлота все же победил во мне нахватавшегося медийной агрессии старика, и я ответил иначе.

Я начал с того, что эволюция возникает из кооперативных взаимодействий индивидов и экосистемных групп и что, согласно современным научным представлениям, все живые системы – клетки, организмы, виды и экосистемы – выживают только в обширных сетях коллаборации и группового сотрудничества.

Я сказал, что человечество выжило и состоялось, как вид, исключительно благодаря способности к кооперации. Это наша база, основной код, ключевой навык. Что те самые голые обезьяны – пусть будет такое определение, если угодно – уступавшие и окружавшим их хищникам, и своей потенциальной добыче в силе, выносливости, скорости, могли противопоставить безжалостному первобытному миру только лишь свой интеллект и умение эффективно взаимодействовать, без которого и интеллект вряд ли был бы полезен. Что первые охотники и собиратели, вечные странники и бродяги, образовывали племена и союзы, чтобы вместе выживать, открывать и осваивать новую Землю. Что конфронтация погубила бы человека, как вид, еще до того, как он оставил бы хоть какой-то след своего пребывания на планете. Что самым важным отличием и преимуществом человеческого разума является способность создавать абстрактные смыслы и конструкции, помогающие объединяться все большему и большему числу людей: язык и письменность, законы и правила, системы исчислений, меры времени, экономику и календари. Что виду *sapiens* больше двухсот тысяч лет, на протяжении которых успели родиться мифы, искусство, ремесла, начала наук, а культуре войны, возникшей вследствие аграрной революции неолита, всего десять тысяч. А еще – что таких вот обезьян, которые готовы хоть дубиной лупить встречных и поперечных, хоть гранатой им угрожать, к большому счастью, изначально не более 2 % во всей популяции. Они просто заметнее вследствие своей крикливости и агрессивности. Это порок, прискорбная аномалия, которую следовало бы лечить, но которая, увы, ныне преподносится как превосходство.

Я рассказал об исследовании человеческой способности убивать; для здешнего общества оно лет пятнадцать назад стало открытием, а потом, как водится, позабылось. Его авторы изучили военные архивы, опросили участников боевых действий; оказалось, что не более четверти пехотинцев в ситуации боя ведут огонь в сторону противника, и только 2 % из них сознательно целятся, стреляя на поражение. Более двух третей солдат – под обстрелом, под страхом смерти, под давлением командиров, под влиянием пропаганды – даже в сторону врага не стреляют, потому что физически не могут, не хотят убивать. Зато могут это делать, а главное, очень хотят, те самые 2 %: это психопаты, которые в ситуации мирного времени чаще всего оказываются за решеткой или находят себя в организациях и структурах, где ценится способность применять насилие, убивать без всяких рассуждений и угрызений, а бонусом идет возможность делать это безнаказанно. В древнем мире, заведись вдруг в племени агрессивный, склонный к насилию идиот, его выгнали бы подальше; он стал бы изгоем. Мир был общий и совершенно ничей, нечего было делить, нечего охранять и не за что драться. Но стоило человеку оказаться пожизненно связанным с клочком обрабатываемой земли, как тут же выяснилось, что земля бывает своя и чужая, что и люди тоже делятся на своих и чужих; что чужие – подозрительные и опасные, и лучше бы для защиты от них иметь у себя на содержании несколько свирепых психопатов, пусть даже они и не будут ничего делать, а только слоняться туда и сюда с дубиной в руке, потому как у чужих такие психопаты наверняка есть. Первая гонка вооружений началась с накопления не орудий убийства, а одержимых жаждой насилия маргиналов, которых

может выставить на драку оседлое племя. Именно психопаты обеспечивают своим подразделениям победу и выполнение боевых задач. Один из участников упомянутого исследования, американский морской пехотинец, вспоминал, как во время десанта в Нормандии, пока их подразделение в ужасе вжималось в песок под ураганным огнем, один боец прорвался к линии укреплений, забросал гранатами пулеметный ДОТ, добил из автомата выживших, бросился ко второму, где ему – одному! – от страха сдался весь расчет, и так далее. Этот парень стал несомненным героем, в жизни же, по словам его однополчан, он был явный и несомненный безумец. Нормальный человек воевать не может, не должен, не способен. Почему-то считается, что тот, кто прошел войну, получает особую закалку и непременно становится исключительно ценным членом общества. В действительности же это не закалка, а психическая травма, пожизненная и тяжелая, иногда приводящая к непоправимым последствиям. После войны во Вьетнаме в течение двадцати лет покончили с собой несколько десятков тысяч бывших солдат, по некоторым оценкам – даже больше ста тысяч. Это почти столько же, сколько американцы потеряли в ходе боевых действий...

– Я читал про такое исследование, – заметил Егор. – Но его же опровергли, кажется.

– Еще бы не опровергли! Как могли не опровергнуть то, что ставит под сомнение главную ценность традиционной культуры: культ воина и воинской доблести! Парадокс: все признают, что война – страшное бедствие, что она разрушительна и губительна для всех сторон, в ней участвующих, но при этом не могут принять правды о том, что война вовсе не свойственна априори человеческой цивилизации, более того – совершенно противоестественна для человека! Эту правду не могут принять те, чья нравственная ущербность требует деспотичного строя, основанного на насилии; кто считает это самое насилие ответом на любой вопрос; наконец тот, кто просто не имеет моральных и интеллектуальных сил отказаться от установок, внушенных ему с детства, с самой школы, где, по словам Толстого, «разжигают в детях патриотизм историями, описывая свой народ лучшим из всех народов и всегда правым». Но главным образом, такой правды не может принять основной приобретатель выгод от всякой войны – традиционная власть.

В истоках генеалогии любой власти – небольшая группа хорошо организованных, вооруженных и очень жестоких людей, которая диктует свою волю и получает дань с другой, гораздо более многочисленной, но плохо организованной и не столь жестокой группы. Будь то династия европейских королей или череда избранных олигархическими группами демократических президентов, в самом начале ее вы увидите команду свирепых варягов, высадившихся на мирные берега; или отряд профессиональных наемников, приглашенных землепашцами для защиты и поддержания порядка, но быстро превратившихся из охраны в диктаторов; или сообщество беспощадных террористов-революционеров; или союз военных заговорщиков; или просто компанию удачливых воров и бандитов – принцип остается неизменен на протяжении десяти тысяч лет.

Власть в традиционной патриархально-военной культуре всегда основана на страхе смерти. Ты подчиняешься мне, потому что иначе я тебя убью. Вы платите нам, потому что иначе мы можем убить любого из вас. От века и до последних десятилетий эта формула власти оставалась неизменной, и даже сейчас, смягченная социальным развитием общества и процессами культурной эволюции до формулировок типа «я лишу тебя свободы или средств к существованию», возможность безнаказанно убивать все равно является главным аргументом власти в случае неподчинения.

Однако использовать в качестве управленческого инструмента только угрозу убийством, лишением свободы, увольнением, голодом или нищетой невозможно. Вернее, невозможно делать это достаточно долго в исторической перспективе. Но власть в традиционной культуре знает только одну мотивацию – страх, а потому к угрозам, которые выступают в роли пресловутого «кнута» или знаменитого «револьвера» Капоне, добавляется «пряник» и «доброе слово».

Так себе пряник, конечно, да и слово не назвать добрым, но уж что есть – это страх перед захватчиками, коварными врагами, которые стремятся нас уничтожить.

Вы платите нам, потому что иначе придут другие. Они убьют мужчин, изнасилуют женщин и угонят детей в рабство. По сути, традиционная патриархальная власть – это тысячелетний рэкет, замешанный частью на насилии, частью на страхе перед еще более кошмарным насилием со стороны чужаков.

Не хотите кормить свою армию – будете кормить чужую.

Что будет, если мирные граждане всех стран откажутся кормить свои армии, в этой формуле не говорится.

Власть в патриархально-военной культуре не существует вне контекста войны. Она живет за ее счет и ею оправдывается. Эта культура отличается чрезвычайной консервативностью, она воспроизводит самое себя, обеспечивая стабильность через замкнутую цикличность насилия; мнимая опасность внешней агрессии служит для нее основанием, а сдерживание военных угроз является главным достижением и добродетелью. Социальная нагрузка – дело последних столетий; тысячи лет обходились без таких ухаживаний и сантиментов, как пенсии, здравоохранение или образование – может быть, именно поэтому справляются со всем этим не лучшим образом. Зато преуспевают в другом, и, когда исправно платящие подать граждане справедливо спрашивают, на что эти подати были потрачены и куда делись деньги, им показывают новое супероружие, которое сожжет врагов так быстро, что те и покаяться не успеют. Последний аргумент власти перед лицом людей, которых уже нельзя лишить права голоса: да, мы несовершенны, может быть даже, что и вороваты, даже преступны, но без нас вас бы уже завоевали. Убили бы мужчин, изнасиловали, как водится, женщин и угнали детей в рабство. Будьте признательны и терпите.

Сегодня в открытом информационном пространстве все сложнее убеждать людей в том, что граждане другой страны – фермеры, парикмахеры, инженеры, учителя, юристы и водители грузовиков – спят и видят, как бы перебить всех наших дизайнеров, официантов, коммерческих директоров, менеджеров по продажам, программистов, финансовых аналитиков и плавильщиков, и надругаться над их женами. Если столетия назад всю жизнь сидящий на земле крестьянин мог легко поверить, что за сто верст на севере живут рогатые людоеды; если рабочего или служащего индустриальной эпохи еще можно было впечатлить картинками разложившихся морально заокеанских граждан, то сейчас рисовать образ врага, опираясь исключительно на проекции собственных мрачных фантазий, уже не получится – врага нужно создать, и чем чудовищнее выйдет этот инфернальный голем, тем лучше. Если ослабить над людьми пропагандистский контроль, то они начинают сотрудничать друг с другом, а вовсе не убивать. Еще одна великая тайна и великая ложь любой власти: стоит нам оставить вас без присмотра, как вы тут же глотки друг другу перережете. Нет, как раз наоборот: это вы заставляете людей звереть, чтобы вовлечь в свой патологический мир пассивное большинство. В любой стране, от востока до запада, от юга до севера, где доминирует культура войны, едва только власть почувствует, что слабеет, что вдохнувшие свободы граждане возвращаются к естественному для человека миролюбию и духу сотрудничества; едва только это сотрудничество и взаимодействие оказывается столь простым и результативным, что необходимость стареющей некомпетентной власти с ее докучливым всевидящим оком становится под вопрос – как сразу же запускаются заржавелые, скрипучие механизмы древних страхов и ненависти; тут же отряды придворных пропагандистов бросаются на возбуждение вражды к своим и чужим, да такой, что люди от индуцированной агрессии начинают по ничтожнейшим поводам кидаться друг на друга, на близких и дальних, на жен и детей – да и пускай! Пусть общество будет готово перейти в своем озлоблении все границы того, что называется человечностью; пусть больше будет слетевших с катушек психопатов, пригодятся, когда дойдет до настоящего дела, а то 2 %, пожалуй, может и не хватить. Записные геополитики и стратеги представляют публике новую экзистен-

циальную угрозу, общего врага, которого следует ненавидеть и которого требуется победить, а для того, конечно, продолжать верить и повиноваться властям, представляющимися в этом случае единственным спасением от поголовного истребления, насилия и вечного рабства.

Информационные коммуникативные технологии из средства общения и объединения превращаются в инструмент нагнетания агрессии и вражды: больше нет тыла, война – в каждом смартфоне, каждый человек подключен к постоянному потоку новостей, отфильтрованных по принципу мировоззрения. Никто не ищет информацию – все ищут подтверждение своим взглядам, и, конечно, находят. Стороны никогда не смогут обсудить общую картину мира – она останется у каждого собственной, и взаимная ненависть в итоге разгоняется до степени необычайной. Люди больше не задумываются, они перестают понимать, что граждане другой страны им не враги, что воюют не люди, а власти; напротив – все ежечасно, если не ежеминутно, получают подтверждение чужих зверств, готовности к зверствам, одобрения зверств, и поэтому любая степень радикализации конфликта представляется в итоге оправданной, и вот уже доведенные до психоза менеджеры по маркетингу, бариста, крановщики и маникюрши, совершенно осатанев, в ярости обещают гражданам другой страны перебить всех мужчин, а заодно и женщин с детьми, ибо ненависть не берет пленных.

Это старинная игра; Лев Толстой больше века назад написал, что «ни один народ не хочет нападать и не нападает на другой, и потому правительства не только не желают мира, но старательно возбуждают ненависть к себе других народов; возбудив же к себе ненависть других народов, а в своем народе патриотизм, правительства уверяют свой народ, что он в опасности и нужно защищаться».

Гражданам снова будет предложена самая древняя в истории человечества сделка: обмен свободы на безопасность. И вот что меня поражает более всего – они вновь на нее согласятся. Бухгалтеры и технологи пищевых производств, сварщики и врачи, рекламщики и экономисты, переводчики и сантехники поверят – при всей свободе коммуникаций, при всей доступности знаний по истории, философии, обществознанию – во врага, который стремится стереть их с лица земли; и поверив – возненавидят не только этого врага, но и всех тех, кто попытается переубедить их, одержимые жадой скорее быть обманутыми, но ненавидеть, чем знать правду, но вместо того любить.

Паны дерутся, а холопы столетиями не задают вопросов, предпочитая с остервенением драть друг другу зубы.

5.

Через день после того, как я в разговоре с Егором выдал эдакого Толстого, предсказуемо появилась Оксана.

Время подходило к обеду; июльское солнце беспощадно лупило сквозь сизое жаркое марево. Окна были распахнуты в недвижную духоту. Все застыло в оцепенении раскаленного полудня, и только на площадке детского сада звенели голоса ребятишек. Я сидел, по обыкновению, в кухне и читал, когда раздался звонок в дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.